

КУТУЗОВА ЕЛЕНА

12+

СПЕЦКУРС

АКАДЕМИЯ МАКОШИ

Елена Геннадьевна Кутузова

Академия Макоши. Спецкурс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47190999

SelfPub; 2019

Аннотация

Мама запихнула меня в медицинское училище. Я думала, что дождусь совершеннолетия и заберу документы. Но Макошь – Богиня Судьбы – решила иначе. Веретено закрутилось, вплетая в мою жизнь интриги конкурентов, реки крови и... спецкурс! Нет, пожалуйста, только не это! Я и с обычной-то медициной не дружу, а практика в другом мире и вовсе в планы не входила! Хотя... планы можно и поменять. В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений pixabay.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	43
Глава 4	66
Глава 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Глава 1

– Ма-а-ам, ты уверена, что это именно вуз?

Я смотрела на двухэтажное длинное здание из белого силикатного кирпича, на низкие окна, словно уходящие под землю, на выщербленное бетонное крыльцо... И понимала, что меня дурят: какое высшее после девяти классов?

– Это училище, от академии здесь только филиал, – мама втащила меня в распахнутые решетчатые ворота, выкрашенные в противно-зеленый цвет.

– Изолятор какой-то, – пробурчала я.

Высокий забор из того же, что и здание, кирпича как бы намекал: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

И только большая овальная клумба, засаженная желтенькими бархатцами и фиолетовой петунией, радовала взор.

Крыльцо в две ступени, тяжелая дверь, сейчас подпертая кирпичом и... пять ступенек вниз – так и есть, первый этаж располагался в полуподвале.

Коричневые полы, скрипучие деревянные лестницы, покрытые масляной краской стены... Прямо декорации из древнего советского фильма про специализированное учебное заведение. Куда я попала?

– Мам, я не буду здесь учиться!

– А тебя никто и не спрашивает! – мама отпустила мою руку лишь на минуту, чтобы достать из сумки документы. –

Это единственное приличное учебное заведение в городе, к тому же медицинское! Отучишься, поступишь в вуз, станешь врачом, уважаемым человеком...

Это была мечта всей её жизни: сделать дочку врачом. Мама спала и видела, как я иду по коридору больницы в белом накрахмаленном халате, вокруг роем вьются почтительные медсестры и санитарки, а больные плачут от благодарности.

То, что медицину я ненавидела с детства, во внимание не принималось.

Как и то, что в этом провинциальном городе даже «единственное приличное учебное заведение» не давало путевку в жизнь.

Ну кому я буду нужна с этим дипломом? И ладно бы вуз, так нет – училище!

– Мам, может, одиннадцать классов закончить?

В рекреации толпились сверстники. Кто-то пришел сам, кого-то, как и меня, привели родители. Ну, со мной-то все понятно – чтобы не сбежала. А эти? Мамочкины детки!

Я давно знала, что от медицины не отверчусь. Но почему учиться нужно именно здесь? Что заставило родителей продать квартиру в большом городе и уехать к черту на кулички именно сейчас? Сорвать меня с занятий перед самым ОГЭ? Лишить возможности поступить в престижный вуз, запихнув в какую-то провинциальную дыру...

Объяснений не было. Просто мамочку всегда тянуло на родину, дом от бабули остался хороший, добротный, со все-

ми удобствами, даже перестраивать не пришлось. И сейчас, по мнению родителей, было самое время для переезда. А училище... да какая разница, где оно – в огромном городе или в провинциальном городишке, который больше, чем наполовину еще деревня?

ОГЭ я сдала. И баллы набрала хорошие, здесь проходной куда ниже. Доучиться бы в школе да поступить на высшее...

– Нечего два года терять! Получишь диплом фельдшера, а потом уже выбирай любой вуз, какой душа пожелает! – твердили родители.

«Если он будет медицинским», – молча добавляла я. И подчинялась, потому что выхода не было.

Но мама все равно не доверяла. Контролировала каждый шаг, даже документы сама понесла. Мне оставалось только изучать плакаты на стенах.

– Ты в курсе, что здесь униформа? Белый халатик и шапочка... высотой 20 сантиметров. Прямо поварской колпак! – почему-то насмешили именно цифры, написанные как на чертеже каких-нибудь мудреных деталей.

– Где? – шелкнул смартфон: мама сфотографировала стенд. – Дома разберусь. А халаты есть, я уже купила.

От этого стало еще тоскливее.

Правила, правила, правила... Да как же их все запомнить?

Стоящие рядом девушки заволновались. Я оторвалась от плакатов и оглянулась.

По коридору, не обращая внимания на толпу поступаю-

щих, шел парень.

Высокий, широкоплечий, красивый... Вот реально – красивый! Острые скулы, прямой нос, чистый лоб, потрясающие губы... А общем, мой типаж! Цвет глаз в полумраке не рассмотрела, ну и ладно. А вот фиолетовую прядь в темных волосах – вполне.

Девчонки вокруг притихли. Даже, кажется, дышать перестали. Во мне на мгновение проснулась жалость к красавчику: рассматривают, как диковинного жучка, чуть ли не под микроскопом.

Но парень словно не замечал всеобщего восхищения: мазнув равнодушным взглядом по толпе, он скрылся за дверью с надписью «директор». Вот это выдержка! Я даже восхитилась, вспомнив собственные демарши.

Тишина взорвалась громкими шепотками.

Я тут же узнала, что зовут красавца Кирилл Романов, что учится на третьем курсе академии, что туда никого не берут просто так... Ну и что половина явившихся поступать сделала это, только чтобы быть поближе к своему кумиру. Идиотки! Нужны ему такие курицы!

Романов вышел от директора и направился дальше. Падающий из окна свет позволил рассмотреть парня получше.

Футболка с какими-то странными символами, рубашка в фиолетовую – в тон волосам – клеточку, на руке – широкий кожаный браслет с заклепками. Мелькнула мысль, что хочу такой же – стильно! И круто! Когда Кирилл повернул голову,

в правом ухе сверкнул фиолетовый же камень. Еще и серьги носит, пижон!

– Кирь! Подожди!

Парень остановился, а сквозь с трудом расступающуюся толпу недовольных абитуриенток протолкнулась девушка.

Обычная такая: бесформенная кофта, длинная, почти в пол, коричневая юбка. Через плечо перекинута торба с рваной бахромой, словно ей моль лакомилась. И сама владелица... никакая. Бесцветные волосы забраны в бабушкин пучок, круглые очки, которые совершенно никому не идут. Бррр.

Шепотки тут же сообщили, что эта мышь серая – тоже со спецкурса. Парочка прошла мимо, даже не взглянув на окружающих.

Интересно, что это за академия такая, что открывает филиалы в затрапезных училищах и принимает к себе... фриков?

Надо сказать мамуле! Может, испугается и передумает запихивать меня именно сюда? В конце концов, время еще есть, целых два года!

Но мама уже тянула меня в распахнувшиеся навстречу двери – подошла наша очередь.

Сидящая за длинным столом женщина равнодушно посмотрела на нас и подала бумаги для заполнения. В местах для подписи стояли жирные галочки.

Ненавижу! Что я ненавижу едва ли не больше больниц –

это заполнение всяких документов. Обязательно ошибусь!

Поэтому прежде, чем вписать что-то в очередную графу, долго думала, не обращая внимания на недовольное фырканье мамы:

– Ну что ты там возишься?

– Стараюсь все сделать правильно! Ты же хочешь, чтобы я поступила? – протянула капризно.

– Не груби матери! – присутствие посторонних её никогда не останавливало. Дома точно будет скандал!

Чтобы хоть как-то сгладить, обернулась к ней – и застыла: в углу, сразу за кадкой с тощим и жутко высоким кактусом, сидел... сидело нечто.

Черный мохнатый шарик с огромными зелеными глазками. И зубами, которые недобро сверкнули, когда он улыбнулся.

– Тоня? – голос мамы заставил отвести взгляд от шарика, а когда я снова посмотрела в угол, там никого уже не было.

– Тоня, что с тобой?

– Голова болит, – ну не говорить же о внезапно посетивших меня глюках!

– Таблетку дать? – отмазка прокатила, и я вернулась к заполнению бумаг.

Наконец, мучения закончились, документы приняли и велели следить за списками зачисленных, причем заверили, что я, скорее всего, пройду еще в первую волну – из-за высоких баллов.

Кто бы сомневался!

Наверное, это неплохо – два спокойных года в училище. Зато потом заберу документы и поминай как звали. Становиться врачом, фельдшером или медсестрой я не собиралась. Пачкаться в крови и проводить часы за заполнением никому не нужных бумажек? Вот еще! У меня другая судьба! Я хочу свободы!

Проходя мимо клумбы, мама взвизгнула:

– Крыса! Ты видела? Прямо под ноги кинулась!

Я встрепенулась:

– Ага! Огромная какая! Может, заберем документы? Медицинское заведение – и такая антисанитария...

Довод пропустили мимо ушей:

– Еще чего! Тут вокруг частные дома, куры, коровы, свиньи... Забежала, наверное. Идем!

Мне оставалось только смотреть на бархатцы, в которых спрятался зверек. Не знаю, что там показалось маме, а я его хорошо разглядела. Крысы не ходят на двух лапах и, тем более, не улыбаются.

– Тоня! – позвала мама уже от ворот и словно разбудила.

Я вздрогнула и увидела Кирилла. Он стоял на другой стороне клумбы и сосал леденец на палочке. Леденец! На палочке!

Перехватив мой взгляд, Кирилл надменно усмехнулся и сделал вид, что клумба его ничуть не интересует. Но я была готова поклясться, он тоже видел эту крохотную двуногую

тварь! И мало того, отлично знал, что это такое. Ах ты...

От немедленных разборок с нахалом удержала мама: злить её не стоило.

По дороге домой я строила планы, как бы уговорить родителей забрать документы. Куда угодно, только не в это странное заведение! Я жить хочу!!!

Но мама была непреклонна: медицинское училище располагалось почти рядом с домом – двадцать минут на автобусе до нашей деревеньки, считалось хорошим и давало мощную практику. Папа, как всегда, её поддержал. Вечно так – мои желания никому не интересны!

Не вышло мытьем – попробую катаньем. Попыталась позвать к разуму: ну какой университет, институт или академия будут располагать филиалы в затрапезном училище?

– Ну, значит, были причины! Тонь, хватит дурью маяться, в огороде лучше помоги.

И я помогала: полола перчики, подвязывала помидорчики и огурчики, мечтая, чтобы они сгнили на корню, потому что руки после ухода за ними превращались в черт знает что и не отмывались даже содой... и продолжала нить.

А потом полезла в интернет, чтобы нанести последний, сокрушающий удар:

– Мам, в сети об этой академии ничего нет!

– И что с того? Не считают нужным. Делом люди заняты, в отличие от тебя, работают, детей учат...

Все попытки объяснить, что сейчас даже «левые» курсы

имеют собственный сайт или, на худой конец, страничку в соцсетях, натыкались на глухую стену непонимания. Родители словно не желали ни видеть, ни слышать неугодного. Ну как донести, что сайт – это не прихоть директора, а обязанность любого государственного учебного заведения?

И когда я уже отчаялась доказать хоть что-то, мама сообщила:

– Да проверила я эту твою академию, поспрашивала знающих людей. Программа у них такая, помощь одаренным детям в глубинке. Открывают филиалы на базе училища, студенты занимаются какими-то предметами вместе со всеми, а основные – по индивидуальной программе. Их даже на практику вывозят в другие города!

Час от часу не легче. Чтобы о таком в интернете умолчали?

Не верю! Но добилась я одного: папа бухнул кулаком по столу и велел не спорить: медицинское, значит – медицинское.

Оказалось, все мои старания и опасения были приняты за обыкновенное нежелание поступать! Совсем родную дочь не жалеют! Кидают прямо в пасть чудовищам, о которых, кстати, интернет тоже ничего не знал.

Оставалось только смириться. Благо, документы подали в училище, а не в академию, а его выпускников здесь было – половина области! То, что они предпочитали не распространяться о филиале, только усиливало подозрения. Но выхода

не было.

Значит, буду действовать, как задумала раньше: дотяну до совершеннолетия и свалю подальше. С моими мозгами и амбициями проживу и без родительской помощи!

Мама, не подозревавшая о таких планах, радовалась смирению дочери и уже видела меня во главе фельдшерского пункта или даже главным врачом какой-нибудь клиники, может, и владелицей частной. И чтобы ничто не помешало воплощению старинных мечтаний, лично поехала смотреть списки поступивших, как будто простого звонка было недостаточно.

Она долго искала фамилию, а потом растерянно обернулась ко мне:

– Тоня, проверь сама. Кажется, тебя пропустили.

– Не может быть! – я на мгновение задохнулась от радости и прочла список еще раз, медленно и очень внимательно. – Точно нет! Не прошла! Поехали домой!

Главное, не выдать ликования! Но мама не смирилась:

– Это какая-то ошибка! Нужно выяснить!

Протолкавшись сквозь толпу абитуриентов, она скрылась за дверью директорского кабинета.

А я привалилась к стене и прикрыла глаза. Хотелось петь, танцевать, смеяться и орать от восторга – и все это одновременно.

– Тоня, – позвала мама, – Подойди, пожалуйста!

Ох, зря я радовалась. Рано. Не с моей удачей. Вот сейчас

точно скажут, что это ошибка, и меня просто забыли внести в списки.

– Тонечка, – у мамы был слишком торжественный вид, что напугало еще больше. – Представляешь, директор посоветовал подать документы прямо в академию, сказал, что ты проходишь на бюджет и...

– Мама! – этого еще не хватало! – Какая академия? У меня девять классов всего.

– Неважно, – директор сложил руки на столе. – Академия на базе училища, так что программа составлена так, чтобы студенты могли пройти двухлетний школьный курс за год плюс специализированные предметы.

– Не хочу!

Жизнь давно научила, что с неба ничего не падает. Если судьба приготовила какой-то приятный сюрприз, то он обязательно окажется сыром в мышеловке. Будучи хронической неудачницей, я дула на воду.

– Хочешь! – отрезала мамочка и повернулась к директору, – Разумеется, мы подадим документы! Все-таки высшее образование...

Я не слушала. Дождалась, называется, поддержки от любящих родителей. Вечно так: «мы лучше знаем», «вырастишь – поймешь, еще спасибо скажешь». В последнее время это случалось постоянно и было так невыносимо, что мысль сбежать посещала меня все чаще.

Но когда я услышала, что директор говорит об общежи-

тии, испугалась:

– Мама!

– Наверное, это лишнее. Тоне до училища двадцать минут езды, автобус ходит по расписанию, опозданий не будет! – последние слова она почти прошипела, поскольку предназначались они мне.

И я радостно закивала:

– Не будет!

Директор замялся:

– Мне понятно ваше нежелание отпустить дочь практически в никуда, но у нас очень хорошее общежитие! Студентам академии даже выделяются одноместные комнаты!

– И все-таки... – протянула мама, но договорить ей не дали.

– Это правило. Студенты училища могут жить где угодно: дома, у родственников, снимать комнаты. Но ученики академии – только в общежитии. Поймите, это не блажь, это связано с организацией занятий. Профессора могут приехать в любое время, может подвернуться интересный клинический случай, может быть, поездка. Зачастую подготовиться нужно в течение часа... А обзвонить всех студентов, да еще собрать их, например, ночью...

– И куда же вы возите учеников ночью?

Слава богу, мамулечка сообразила! Никто не отдаст меня в эту непонятную академию, а может, и в училище не отдаст!

Но нам все-таки сунули какие-то документы: аккредита-

цию, правила, что-то там еще...

Директор не торопил, а я дышать боялась: к подобного рода вещам мама относилась очень серьезно, помешаю – прибьет. Зато и разбиралась во всем досконально. Недаром работала в юридической конторе!

Оставалось только молиться, чтобы хоть что-то оказалось не в порядке. Я даже пальцы скрестила... И тут увидела, как на полке за спиной директора сидит тот самый колобок!

Черная шерсть топорщилась, словно от статического электричества, а зеленые глазки любопытно поблескивали. Заметив, что за ним наблюдают, мохнатый шарик подмигнул и улыбнулся. Ну, я предпочла подумать, что это не оскал, иначе спать мне в ближайшую неделю со светом.

– Все в порядке, – мама отложила документы. – Тоня переедет в общежитие.

– Вот и отлично, – директор просиял так, словно ему сообщили, что в его стенах будет учиться дочь наследника Британской короны! – Всю необходимую информацию вам предоставят в деканате, там же возьмете направление в общежитие и не забудьте об отработке!

О какой еще отработке?

Оказалось, он говорил о полезной деятельности на пользу alma mater, то есть о банальной уборке территории.

В назначенный день бывшие абитуриенты, которые еще не успели стать студентами, собрались во дворе, вокруг клумбы. Нам раздали лопаты, грабли, веники и отвели фронт ра-

бот, предупредив, что если будем сачковать, ничего не считают.

Парням – на весь курс их оказалось трое – вручили топоры и отправили выкорчевывать проросшие вдоль забора кусты.

Мне же досталась клумба. Та самая, огромная, в которой спряталась напугавшая маму «крыса».

Как же я боялась, что она еще там! Даже хотела попроситься на другую работу, но преподаватель уже исчез. Оставалось только надеяться, что хоть в одном мне действительно повезет – зверька там не окажется.

Но на всякий случай я сначала трясла кустики бархатцев за листья, чтобы спугнуть, а потом уже раздвигала их для прополки.

– Они не кусаются.

Разворачиваться, сидя на корточках неудобно, а я не гимнастка, так что просто с размаху села на асфальт. И, сдерживая слезы, пробурчала:

– Кто – они?

– Мелкие такие. С зубами. Не кусаются.

Сообщив мне это архиважную новость, Кирилл засунул в рот леденец и скрылся в здании. Мимо других абитуриентов прошел, как мимо пустого места. Восхищенных девчонок даже взгляда не удостоил!

А я еще долго сидела на земле, переваривая новость: этих тварей здесь много!

Мамочка! Забери меня отсюда!

Но проще поезд голыми руками остановить, чем маму, увидевшую цель.

Остаток лета я, вместо того, чтобы бегать на речку, купаться, загорать и просто набираться сил перед новым учебным годом, провела в сборах. Мама устроила ревизию моего гардероба, запрещая брать «лишнее»:

– Пяти футболок хватит, шорты оставь – нечего мальчиков дразнить, родителей рядом не будет, проследить некому.

– Но жарко же!

– Не разжареешь! Вот, штанишки: и прилично, и удобно!

Спорить с ней – что вставать против ледокола на тонком льду.

А еще пришлось учиться стирать и крахмалить халаты и шапочки. Почему-то это нужно было делать на руках, да еще кипятить в тазу на плите, с добавлением синьки.

– Учись, пока я жива! После машинки белые вещи становятся сероватыми, так что кипячение – наше все!

– А крахмалить-то зачем? – взмолилась я, представляя выходные, проведенные на кухне, в облаке пара и стирального порошка.

– А затем, что с крахмального грязь лучше отстирывается! Да и аккуратно. Отпаришь, гладенько все будет, красивенько.

– Очень, – пробурчала я, представляя, во что превратится халат, пролежав какое-то время в пакете.

– Утюг! – спохватилась мама, – Утюг купить забыли.

– И фен! – крикнула я вдогонку.

Ближайшее будущее теперь рисовалось в очень мрачном свете.

Похоже, мама решила лишить меня не только свободы, но и любимых вещей!

Так, дома остались все шорты, зато в гардероб добавились платья и юбки: девушка должна быть женственной! Удобные кроссовки, в которых я собиралась появляться на занятиях, забраковали. Вместо них купили туфли на невысоком каблучке-рюмочке.

– Мам, да перед кем мне красоваться?

– Ты уже взрослая, вот и веди себя соответственно! Кстати, не смей ярко краситься, туши и блеска для губ хватит.

Этот приказ я выполнять и не думала: девчонок в училище полна коробочка! Быть серой мышью? Вот еще!

Все оставшееся от сборов время я проводила в огороде: переехав в деревню, мама как с ума сошла. На участке росли огурцы, помидоры, баклажаны и перцы в промышленных масштабах! Разумеется, ухаживала за ними вся семья, но мне теперь доставалось больше всего:

– Зимой спасибо скажешь! Накручу банок, так тебе в общепитии всегда что поесть будет.

Папа, которого тоже впрягли в работу, только посмеивался:

– Вот такая она взрослая жизнь, Антонина.

Он всегда называл меня полным именем, баловал, но не заступался, когда я попадала маме под горячую руку:

– Пойми, жизнь у неё была тяжелая, она как в шестнадцать лет из дома уехала, так и маялась по чужим углам, пока я квартиру не получил. Так что слушайся её, она плохого не посоветует: и сестрам помогала, и тебя подняла, и выучилась, вон какой специалист, даже здесь нарасхват.

Я в ответ только вздыхала и мечтала о речке. Выбраться туда удалось всего несколько раз, но я надеялась на теплый сентябрь – в городе тоже был стихийный пляж. Даже купальник тайком в сумку кинула. Правда, потом вытащила – все же до переезда еще далеко. Да и комнату следовало вначале получить.

В день заезда родители были сами не свои. Папа отпрашиваясь с работы, чтобы отвезти нас в город и терпеливо дождался в машине, пока мы с мамой заполняли документы, стояли в очереди в бухгалтерию, получали ключи. Я не понимала, зачем для этого вся семья, но мама отмалчивалась, а пару раз словно слезу смахнула. Плачет, что ли?

Наконец, мне выдали пропуск, ключ с биркой, на которой маркером была выведена цифра шесть, и велели заселяться.

Девочки жили на втором этаже, третий отводили мальчишкам. На первом располагались бухгалтерия, душевые, помещение охраны и комендантская. Жилых комнат не было. Но моя явно находилась на первом этаже!

Вот честно – не подсказали бы, ни за что бы не догадалась,

что надо войти в невзрачную дверь. За ней обнаружилась рекреация, заставленная цветочными горшками и офисными креслами. На стене висел список студентов. Несмотря на то что комнат здесь было восемь, жильцов, кроме меня, оказалось четверо. И судя по всему, все со старших курсов.

Положеньице!

– Открывай скорее, – мама уже стояла возле двери с металлической цифрой шесть. Обычная такая межкомнатная дверь, только с замком.

Когда вставляла ключ в скважину, руки заметно дрожали. Ого!

Нет, ничего особенного, но по общему состоянию общежития я ожидала худшего, а здесь и приличный письменный стол, и платяной шкаф, и книжные полки, и кровать с хорошим, непродавленным матрасом.

– Ничего так, чистенько, – мама критически окинула взглядом бумажные обои – желтовато-бежевые, в мелкий цветочек. – И линолеум крепкий. Надо только настольную лампу докупить, а микроволновку нашу заберешь.

Но та нашлась на кухне – оказалось, у студентов академии есть своя, собственная. Небольшое помещение с двумя большими раковинами, плитой, электрическим чайником и даже кофеваркой! Вдоль одной из стен тянулся металлический кухонный стол.

– Смотрю, тут заботятся об учениках, – мама выглядела довольной. А я решила обследовать остальные двери – кто

знает, может, за ними еще что-то полезное есть!

Одна душевая и один туалет. На восьмерых вполне достаточно. В принципе, жить можно, даже с комфортом. А рекреацию использовать как гостиную – не зря же там диваны. И полки с цветами. Может, стащить росток хлорофитума? Вон какой «паучок» разросся.

Но когда я протянула руку, чтобы отщипнуть с длинного уса розетку, из-за кашпо на меня уставились два зеленых глаза. Я смотрела на оскалившийся рот, темную шерсть и понимала, что схожу с ума.

– Какая прелесть! – мама протянула руку и сняла с полки мягкую игрушку. – А мордочка-то вручную сделана!

Да блин! Так и зайкой можно стать! Я ведь решила, что опять мерещится. А это всего лишь игрушка! Но как живая!

Стоп!

Раньше я видела не игрушку! В прошлый раз этот черт-те что и с боку бантик живьем являлся!

Значит, не одной мне? Раз его в кукле повторили!

Значит, он действительно существует?

Мамочки!

Рекреация тут же перестала быть уютной. Цветы напомнили о джунглях, где за каждой травинкой прячется если не леопард, то какая-нибудь жутко опасная муха це-це. Или ядовитый паук. Или...

Меня передернуло.

– Мам, осмотрелись... пошли отсюда? Там папа ждет.

– Да, пойдём. – Она посадила игрушку на место.

Надо бы убрать куда-нибудь, чтобы на глаза не попадался.

О чем я думаю? И так здесь спать не смогу!

И уже в машине решила, что нужно найти того, кто сшил эту игрушку. Найти и серьезно поговорить.

Глава 2

В общежитие я переехала тридцатого августа. Ну как переехала? Папа перевез вещи, но на первую линейку я отправилась из дома. Мама тоже хотела, но помогла истерика – надоело, что меня везде за ручку водят, как ребенка.

– Я жить одна собираюсь! Отдельно! Что, в училище группу свою найти не смогу?

Мама вздохнула и обещала заглянуть после работы – проверить, как у меня дела:

– Сама знаешь, тебя ни на минуту нельзя оставить без присмотра.

В этом она была права: я вечно находила приключения на свою пятую точку. И вечно влипала в неприятности. Мамины подруги даже считали, что это сглаз или порча. Экстрасенсы и бабки-ведуньи, по которым меня потащили после таких предположений, радостно подтверждали догадку и брались все исправить.

Только ни у одного еще не получилось. Наверное, судьба у меня такая – быть вечным лузером.

А ведь страшно! Всю жизнь у родителей под бочком, под защитой. И вдруг – в большой и жестокий мир! Ну и что, что мама примчится по первому зову? Все равно справляться теперь придется самостоятельно.

С другой стороны, я же совсем недавно решила готовить

пути отступления, стать самостоятельной, чтобы забрать документы из ненавистного училища. Теперь эта идея казалась не очень хорошей.

Для начала посмотрела расписание – его вывесили на большом стенде в крохотном холле, справа от входной двери. Меня зачислили в обычную группу, никакого упоминания об академии. И уроки те же, что и в школе: алгебра, геометрия, литература... Никакого упоминания о медицине.

Оказалось, в халаты и шапочки надо было облачиться до начала линейки. Это нам поведала куратор общего курса – высокая худая женщина с длинными волосами. Мало того, что на них была мелкая химия, так еще и цвет жутковатый – бордовый.

Строгий костюм, классические туфли на небольшом каблучке – настоящая «училка». Образ завершали очки «кошачий глаз» с затемненными стеклами.

Старшекурсники смотрели сочувствующе. Услышав, что куратора называют «ведьмой», еще раз убедилась в своей невезучести.

Чтобы отвлечься, я озиралась. Ни Кирилла, ни той «серой мышки» в балахонистой одежде на линейке не было. Дисциплинка, однако!

Но с ней все оказалось очень строго. Это нам поведали на классном часе.

Прогулы записывались, и чтобы попасть на следующий урок, нужен был допуск. Дать его мог только декан или за-

ведущая, и каждое такое разрешение требовало документального подтверждения, например, справки от врача. Записки от родителей во внимание не принимались.

Мало того, если причина была неуважительная, следовало заплатить штраф, через бухгалтерию. И явиться за допуском уже с квитком. А после – отработать этот самый пропущенный урок с другой группой.

Порядочки!

Ну а чего я хотела? Если бы попала в нормальное учебное заведение, могла бы удивляться! Ну и ладно. Со мной все ясно. Но за что страдают остальные? Что держит их в этих стенах? Например, того парня-третьекурсника, стоящего на линейке в первом ряду.

Идеально отглаженный халат без единой морщинки, туфли вычищены так, что сверкают на солнце! Стильные солнцезащитные очки в прямоугольной оправе...

Либо педант, либо... О втором варианте думать не хотелось, но мне и первый не подходил – с моей привычкой все терять, ломать и раскидывать с аккуратистами я не уживалась.

А потом столкнулась с этим парнем в рекреации.

– Добрый день, – за спиной прозвучал хорошо поставленный голос. Приятный баритон, мягкий, бархатистый...

– Здравствуйте.

Здесь он был без шапочки и халата. Голубая рубашка, классически брюки с настолько идеальным стрелками, что

казалось, тронь – порежешься. И обувь, такая же сияющая.

– Артем Громов, – равнодушно выдержав осмотр, представился этот «мистер безупречность».

Кажется, спокойной жизни не будет. Мало мне того мохнатого коlobка, так еще...

Кстати! Может, пока разговариваем, получится что-то выяснить?

– Антонина Бересклетова, – улыbнулась я как можно приветливей. Так, что аж губы заболели.

Громов кивнул. На лице – ни тени заинтересованности. Такого со мной еще не было! Кажется, второй вариант оказался верным – этот гад предпочитает парней!

Словно в подтверждение карие глаза сверкнули – в рекреацию вошел Кирилл. Все в той же фиолетовой рубашке, он промчался мимо, едва одарив нас взглядом.

– Опять не был на линейке? – крикнул вдогонку Громов.

Кирилл только рукой махнул – отстань, мол, не твое дело. Но перед самой дверью остановился и спросил:

– Дашу видел?

– Нет.

На мгновение на лице Кирилла появилась озабоченность, но тут же исчезла:

– Придет – скажи, я искал.

– Сам скажи, – забыв про меня, Громов скрылся в своей комнате.

А я заранее возненавидела эту незнакомую пока Дашу, по

которой сохли оба парня. Мне же внимания совсем не доставалось.

Это было непривычно – обычно в ухажерах наблюдался избыток.

Ну и ладно! Все равно ни с кем не встречалась, не нашла еще интересного молодого человека. Такого, с кем можно разговаривать на равных, обсуждать кино, книги, строить планы. Почему-то среди кавалеров преобладал другой тип: сходить на дискотеку, в гости, на речку... Похвастаться своими победами. Вот за километр чуяла, что во мне видят лишь очередной трофей.

И все-таки... Эти парни, такие взрослые, будоражили кровь. Жаль только, о меховом колобке ничего не узнала. Ну, узнаю потом. А сейчас нужно поесть – живот такие рулады выводит, что, наверное, за стенкой слышно.

Оптимальным вариантом было наварить супа: дня три есть можно. Пока размораживалась курица, пожарила яичницу – поняла, что не выдержу. Заглотила в два укуса и вернулась к готовке.

Возилась с овощами и гадала: а чем же эта пресловутая академия отличается от самого училища? Преподаватели одни и те же, предметы тоже одинаковые. Единственная разница – в условиях проживания, у спецкурса они были лучше.

Артем вошел, когда я почти закончила. Молча почистил картошку, поставил на огонь сковородку. Я невольно залю-

бывалась его точными движениями: Парень делал все не торопясь, без суеты, но успевал много.

Одним своим присутствием он вселял уверенность, и я почти решилась спросить. Но в кухне появился Кирилл. Сунул в микроволновку тарелку с бутербродами, щелкнул кнопкой чайника.

– Язву зарабатываешь, – заметил Громов.

– Некогда, – не оборачиваясь, отрезал Кирилл. – Я в анатомичку. Дашку увидишь...

– Может, хватит третировать бедную девочку? – прозвучало так раскатисто, что даже эхо появилось.

В кухню ворвался черно-багровый ураган и я постаралась стать как можно незаметнее.

Кожаная куртка с блестящими металлическими накладками. Короткая джинсовая юбка, обвешанная цепочками разной толщины. Тряпичные берцы почти до колен.

И очень громкий голос.

– О, новенькая!

Новая соседка остановилась напротив. Я старалась не пялиться ни на слишком накрашенные глаза, ни на топорщащиеся волосы багрового цвета, ни на черную обводку губ. На пирсинг в носу тоже пыталась не смотреть.

– Парни, вы чем её так запугали?

– Это не мы! – Кирилл, не дрогнув, заварил чай.

– Я, что ли? – девушка уставилась на меня невероятно-го цвета изумрудными глазами и тут же поспешила успоко-

ить: – Я не кусаюсь. Так что обращайся.

Развернувшись на пятках, она направилась к выходу, по дороге попытавшись стащить у Кирилла бутерброд. Но тот ловко убрал тарелку:

– Это мое!

Снаружи донеслось два хлопка – это закрылись комнатные двери.

Из ступора вывело спокойное:

– Еда убегает.

Я вздрогнула и кинулась к плите – крышка начала приподниматься. Сняла кастрюлю и выдохнула:

– Что это было?

Кажется, произнесла вслух. Потому что в ответ Артем равнодушно пожал плечами:

– Академия Макоши. Спецкурс. Привыкай.

Громов подхватил сковородку с жареной картошкой, и до меня только сейчас дошло: все это время он продолжал спокойно готовить! И даже успел перемыть посуду. И раковину сполоснул!

После Артема на кухне остался идеальный порядок. Я не верила собственным глазам. Кухня. Мужчина. Порядок. Это же несовместимо!

Мамочка! Куда ты меня запихнула!

К счастью, в мою комнату никто не лез. Пока обедала, пришла в себя. И снова появились вопросы. Обращаться к соседке или Кириллу я побоялась, слишком уж странные

личности. А вот Громов... Он, кажется, нормальный. Хотя с одним соседом повезло.

Оставалось подкараулить его в коридоре. И я вышла в рекреацию, прихватив ноутбук – может, мне там читать удобнее?

Между диванами раскинулся зеленый гимнастический коврик. А на нем буквально завязалась в узел девушка.

Пепельные волосы, лицо без грамма косметики, графитового цвета спортивный костюм... Та самая серая мышь, вокруг которой увивался Кирилл. И за которую так рьяно заступался Громов.

– Привет! Я Даша! – голос прозвучал очень тихо, не сразу и поняла, что она ко мне обращается.

– Знаю. Уже сказали, – положила ноут на диван и осталась стоять: – А я Тоня. Антонина.

Даша кивнула и сменила позу. Просто перетекла из одной в другую, как будто не имела костей.

– Ничего себе!

– Могу научить, – все так же тихо, на грани слышимости. И словно через силу.

– Не мешаю? – я приготовилась ретироваться, но получила в ответ бесцветную улыбку:

– Нет-нет. Я специально здесь занимаюсь. Лечу неуверенность в себе. Так что если посидишь рядом, скажу спасибо.

Причина уважительная. Я плюхнулась возле ноутбука, но открывать его не стала. Как и задавать вопросов: Даша вы-

глядела очень сосредоточенной, страшно было отвлечь. Но на всякий случай сообщила:

– Кажется, тебя искал... – вот как его назвать? По имени? А вдруг приревнует?

– Кирилл? – Даша поняла заминку по-своему. – Тот, что с фиолетовыми волосами? Он меня всегда ищет.

Она выпрямилась и потрясла руками, расслабляя мышцы. И радостно улыбнулась. Не мне – игрушке, что по-прежнему сидела на полке, привалившись к цветочному горшку.

– Кто это?

– Прокуда, – Даша взяла мехового колобка в руки, повертела, вглядываясь в серую мордочку. – Проказник. Здесь его держим, чтобы не куролесил да предупреждал, если кто чужой забредет. Мы же часто уходим, мало ли.

Она посадила куклу на место и отошла.

Придумает же – охранник. И имя какое дали – Прокуда. От него так и веет чем-то бесшабашным, веселым и... бездумным.

Как только Даша ушла, я было осмелела:

– Значит, охраняешь?

И с визгом отскочила, когда мордочка сморщилась и ярко-зеленый глаз дернулся, подмигивая в ответ.

Двери распахнулись моментально.

– Что случилось?

Мои соседи выглядели встревоженными. Даша первая догадалась:

– Прокуда напугал? – Она подняла игрушку и усадила обратно на полку: – Скоро привыкнешь.

– Что. Это. Было.

Даже спросить не получалось: язык заплетался, а перед глазами мельтешили разноцветные пятна.

– Прости. Я не могу пока рассказать. Никто не может.

– Ты права, ещё рано. Антонине нужно учиться, – присоединился к беседе еще один человек.

– Павел Семенович!

От меня не укрылось, что ребята обрадовались. Но при этом растерянно поглядывали на часы. У каждого на левой руке были ручные часы! Причем одинаковые. Циферблат светился желтым.

– Давайте знакомиться? – в светло-карих глазах мужчины появилось участие. И интерес. – Меня зовут Павел Семенович Скуратов, я куратор спецкурса. Надеюсь, мы сработаемся. – Ребята, – обратился он к остальным, – желтый код! Где Романов?

– В анатомичку пошел.

– Хорошо, тогдаждемся. А пока познакомимся поближе с новой студенткой. Надеюсь, её уже ввели в курс дела?

Увидев потупленные взгляды, покачал головой:

– Что же вы! Могли бы и позаботиться о новом товарище!

Ну, тогда позвольте мне самому представить вас друг другу: Антонина Бересклетова, шестнадцати лет от роду. Девушка хорошая, хотя, кажется, сама не знает, чего хочет от жизни.

Вот те раз! Как догадался-то? И зачем такое... при всех?

А Павел Семенович не стеснялся:

– Майя Зубкова, – указал на красноволосую. – Будущий фармацевт. Но – без царя в голове. Никогда не знаешь, что учудит в следующий раз. Иногда мне кажется, что её опасно подпускать к пациентам.

– Ну так не подпускайте! – пожалала плечами Майя и выдула огромный пузырь из жевательной резинки. Когда он лопнул, в воздухе запахло клубникой.

– Дарья Миронова, – продолжил куратор. – Наша скромница и весьма неуверенный в себе человек. Слова лишнего не вытянешь.

Даша залилась краской, а Павел Семенович повернулся к следующей жертве:

– Артем Громов. Аккуратист и педант. Неплохие качества для врача, но своей «правильностью» выведет кого угодно.

Артем не отреагировал. Как смотрел в окно, так и продолжал смотреть.

– Ну, надеюсь, Романова Кирилла ты видела? Эгоист, сноб и нарцисс. Все. Кажется, со всеми познакомил. Теперь можно и побеседовать. Присаживайтесь.

Разговора не получилось – вернулся Романов.

– Простите, задержался, было очень интересное вскрытие, даже уходить не хотелось.

Меня замутило, остальные же выслушали совершенно спокойно.

Петр Семенович встал:

– Так, времени на светские беседы совсем не осталось. Давайте в следующий раз. А пока запомните, Антонина: вам нужно старательно учиться и ничему не удивляться. Хотя бы первое время. Надеюсь, ты за этим присмотришь?

Клянусь, этот меховой колобок подмигнул в ответ!

Через пять минут наше крыло общежития опустело. Стало обидно: явно происходило что-то интересное, а меня прокатили. Как будто на праздник не взяли!

С другой стороны... меня предупреждали о дедовщине! О том, что первокурсники за людей не считаются и тому подобное. Но не от куратора же!

Нет, мириться с таким положением я не собиралась. Еще чего! Я – да на вторых ролях!

Взять в руки Прокуду оказалось нелегко. Но раз никто его не боялся, то и мне не пристало. Сначала дотронулась осторожно, одним пальцем. Ничего не случилось, и тогда я унесла игрушку в комнату.

– Ты говорить умеешь?

Посмотрела на серое личико и почувствовала себя полной дурой. Докатилась! С игрушкой разговариваю. Хорошо, что никто не видит!

За спиной послышался смешок. Я развернулась вместе со стулом, шаря рукой в поисках чего-то тяжелого. Пальцы зарылись в теплый мех.

Черный колобок сидел на спинке кровати. Разве что нож-

ками не болтал, да и то по одной простой причине: их у него не было.

– Ду-у-урочка из переулочка! – тонкогубый рот растянулся в ехидной улыбке.

Ах ты... колобок недепилированный!

Вовремя вспомнила, что это чудо – что-то странно-потустороннее. И соседи мои его любят. Стоило познакомиться поближе. К тому же ответ на свой вопрос я получила – разговаривает. Да еще как!

– Тебя же Прокудой зовут?

– Меня не зовут, сам прихожу!

Упс! Оно еще и шутит? Правда, плоско и баянами, но...

– Я заметила.

Ощущения были не очень: разговаривать с полупрозрачным нечто и одновременно видеть его точную копию на столе казалось странным. Мелкий паршивец это просек и явно наслаждался!

– Можешь сказать, что здесь происходит?

– А что здесь происходит? – колобок снова ухмыльнулся. – Нормальный учебный процесс. Все зубрят, работают, делом заняты, и только Тоня-Тоня-Антонина дурью мается – с тряпичной куклой разговаривает.

Ах, так!

Аккуратно, двумя пальцами, как что-то грязное и противное, подцепила игрушку за длинное ухо. И отнесла на место. Настоящий Прокуда запрыгал у ноги, как мячик:

– Эй, ты чего? Обиделась, что ли?

А вот попрыгай, попрыгай! Я тоже умею на нервах играть!

Остывшую кастрюлю отправила в холодильник, ноут – на всякий случай – спрятала под матрас, туда же запихнула паспорт. И отправилась выяснять, как в общежитии обстоят дела со стационарным Интернетом – все-таки мобильный хоть и удобен, но дорог.

Прокуда и не подумал отстать. Скакал вокруг, вставлял комментарии, пока я разговаривала с комендантом, хихикал над чем-то, но тут же обрывал смех, поняв, что я не ведусь.

– Могла бы и меня спросить, – бурчал, провожая обратно. – Я бы и про Интернет все рассказал, и про привычки... Слушай, – он вскочил было на стул, но я сделала вид, что не замечаю, и села, заставив вредного колобка скатиться на пол.

– Ай! Да что же деется, люди добрые! Вот Павел свет-Семенович вернется, я ему все расскажу!

Попался!

– Ябеда соленая, на горшке вареная, шишками обитая, чтоб не была сердитая!

Бедняга даже замолчал на мгновение. А потом надулся и ускакал прочь. Прямо сквозь закрытую дверь.

Я была уверена, что он вернется. А еще, что вечером Прокуда кому-нибудь нажалуется на мое плохое поведение.

Не ошиблась ни в первом, ни во втором.

Для начала темный сгусток попытался залезть в сумку. Когда не получилось – скинул со стола всю канцелярию. Я

недосчиталась любимого зеленого маркера и заявила в пустоту:

– Не вернешь – о хорошем отношении можешь забыть.

В ответ Прокуда материализовался, но лишь для того, чтобы показать язык. Длинный и розовый. Захотелось схватить и намотать на кулак – я начала злиться.

Разумеется, ничего не получилось. В ответ услышала смех, и с полки слетела книга. Толстый такой фолиант по морфологии. Откуда он вообще взялся? Я и слова-то эдакого не знаю. Ну, Прокуда!

От раздумий отвлек телефонный звонок.

– Да, мамочка?

– Ты уже освободилась? Я сейчас зайду.

На часах – семнадцать сорок. Мама минут тридцать, как с работы, может быть, даже отпросилась пораньше. Но я была рада: что-то стала напрягать эта самостоятельная жизнь.

– Привет, – объятия и поцелуй в щечку. – Освоилась?

– Осваиваюсь, – я смотрела, как из сумки появляются конфеты, сыр, колбаса. – Мам, зачем? Вчера же все купили!

– Лишним не будет! Хорошо помню, как на одних бутербродах сидела, – взгляд стал мечтательным. – А без сладкого студенту и вовсе туго. Ну, напоишь чаем?

– Может, пообедаешь? Я суп сварила.

– Дома, дома! А сейчас давай чайку, – я пошла на кухню.

Прокуда сидел на подоконнике и с интересом наблюдал,

как я наполняю чайник, как включаю. Помня об учебнике, решила остаться, пока вода не закипит.

– Мам, погоди чуток, я сейчас.

Прокуда хмыкнул и растворился. В тот же миг из комнаты раздался вскрик.

Мама стояла, схватившись за голову, на полу живописно раскинулись разбитые яйца. Желток, белок, скорлупа – все вперемешку.

– Ты представляешь, словно под руку кто толкнул!

Я заметила ухмыляющегося Прокуду, но разговаривать с ним при маме было чревато. Но паршивец, видимо, понял, что переборщил и снова исчез.

Пока убиралась, вскипел чайник. Нарезав бутерброды, мы уселись за письменным столом.

– Ну, рассказывай! Как прошел первый день?

– Скучно! Линейка, классный час... С куратором вот познакомилась.

– И кто это?

– Павел Семенович Скуратов, – сообщила я.

– Ну и фамилия! Надеюсь, характер не малютовский? – хохотнула мама.

– Кажется, – на краю стала снова появился Прокуда, заставляя потерять нить разговора.

Его нос шевелился, ловя запахи, а взгляд был прикован к конфетам.

Вид оказался настолько уморительным, что я с трудом

сдержала смешок.

– Смотрю, тебе здесь нравится! – мама по-своему поняла мое веселье. – А как соседи? Хорошие? Где они, кстати?

– Да вроде неплохие, – перед глазами встало равнодушное лицо Кирилла. – Их куратор увел. Наверное, на практику, они все на старших курсах.

– На практику, как же! – тут же встрял Прокуда, – Сидят в подвале у Яги, зубрят.

Судя по всему, мама его не услышала. Это хорошо – можно не беспокоиться. Хотя, может, и не очень: глядишь, и забрала бы меня отсюда.

– Ну все, дочка. Побежала я, – мама допила чай. – Вечером позвони. И держи нас с отцом в курсе!

Я проводила её до самого выхода, но возвращаться было страшно: Прокуде времени бы хватило. Но он грустно сидел над пакетом с конфетами и вздыхал.

– Я думала, уже все слопал.

– Не могу, – он поднял полные слез глаза. – Не могу без разрешения.

Бедолага! Так жалко его стало, хоть садись рядом и реви. Вместо этого спросила:

– Какие больше любишь?

– Шоколадки!

Я развернула «Кара-кум». В мгновение ока от неё ничего не осталось.

– Еще! – вместо благодарности потребовал шерстяной на-

хал.

Протянула вторую. Её он тоже слопал и выжидательно на меня уставился:

– Чего ждешь?

Третью конфету съела сама. Медленно, наслаждаясь каждой крошкой. Этого концерта Прокуда не выдержал:

– Ладно, не буду больше вещи раскидывать. Прощеньица просим!

Буркнул, словно одолжение делал. Я еще сомневалась, принимать ли извинения, да и понятно: запас проказ больше, чем простое раскидывание всего, что под руку попадет.

Но Прокуде ждать было невмочь:

– Тебе что, неинтересно, где остальные?

– Сам же сказал – в подвале, учатся.

– Совсем-совсем не хочешь знать, почему там? И Яга... –

Прокуда даже про конфеты забыл.

Мне действительно было все равно. Может, там оборудованы помещения для внеклассной работы? А Яга... Да как мы только наших учителей в школе не называли!

Но если все так просто, почему Прокуда шокирован? На всякий случай сунула ему еще одну конфету, но предупредила – последняя! Больше халявы не будет!

Тот сразу сменил тактику:

– Спустись и посмотри! Дорогу подскажу: прямо по коридору до запасного выхода. Там вниз по лестнице, пара пролетов. Дальше сама увидишь.

– Зачем? – я убрала остатки чаепития и отправилась на кухню мыть посуду. Две чашки, нож и блюдце – делов на пару минут.

Но за это время я чего только не напридумывала.

Прокуда явно темнил, подбивая меня на что-то нехорошее. С другой стороны, эти одинаковые часы на старшекурсниках. И куратор странный – обещал все рассказать, а вместо этого просто собрал всех и увел. Всех, кроме меня.

Вроде – новенькая, в студентах первый день ходит. Освоиться надо, понять, что к чему, проникнуться моментом и величием академии, так сказать. Но при этом мне настолько технично указали на место, что... Одно дело, если твою судьбу решают родители – они плохого не посоветуют, хотя от происходящего я не в восторге. И совсем другое – пренебрежение и указивки от чужих людей.

Убрав посуду, я заперла комнату. В конце концов, кому какое дело, чем я занята? Кто мешает студентке первого курса ознакомиться с расположением эвакуационного выхода в здании? Мало ли зачем. Законов не нарушаю, в закрытые двери ломиться не собираюсь... Да и в чужие секреты особо лезть – тоже. Но узнать, чем эти самые секреты грозят лично мне – обязана.

Глава 3

До двери с надписью «Запасный выход» добралась легко. Кстати, почему именно «запасный»? Всегда волновал этот вопрос и всегда не хватало времени выяснить.

Дверь оказалась не то что не заперта, а и полуоткрыта. Темная площадка перед уходящей вниз лестницей. Затхлый воздух, что странно – вроде это место не закрывается.

Никто не окликнул, не остановил – всем на всех плевать, лишь бы не мешали.

Тусклая лампочка освещала длинный коридор. Я словно в постапокалиптический мир попала: облупившаяся синяя краска на стенах, латаный-перелатанный линолеум на полу, покосившиеся, грязноватые двери. На некоторых висели большие амбарные замки. Парочка забита крест-накрест досками. Несколько оставшихся приоткрыты, так что можно спокойно заглянуть в щель.

Как я и предполагала, здесь находились классы для самостоятельной работы: зеленые доски на стенах, полки с немногими книгами. Почти везде заляпанные полы и катающаяся по углам пыль.

Только один класс показался обитаемым. Парты в нем стояли ровно, сломанные стулья унесены назад, на доске – какие-то формулы, и даже губка для стирания записей чистая и влажная.

Здесь явно только что занимались! Может быть, даже мои соседи – спецкурсники. Но куда они все подевались?

Я дошла до конца коридора и повернула обратно. И тут дверь того самого класса распахнулась, выпуская Майю. Та вскинулась на мой вскрик:

– А ты что здесь делаешь?

– Гуляю! – сказала единственное, что пришло в голову.

– Что там? – в коридор выглянул Павел Семенович. – Антонина?

– А вы... откуда?

Я ведь видела, что класс пуст! Ходила по нему, трогала вещи, рассматривала гербарий! И вдруг – такое.

– А зачем тебе фонарь?

Появившийся Кирилл машинально протянул руку к напольному фонарю:

– Значит, надо. – И повернулся к куратору: – Может, скажете ей уже?

– Обязательно, – кивнул Павел Семенович. – Пойдемте отсюда, разговаривать лучше в другом месте.

Но как только мы добрались до лестницы, как воздух завибрировал, что-то тревожно загудело, и все старшекурсники привычно взглянули на свои странные часы.

Циферблаты полыхали алым. Пиликанье на одной ноте резало слух. Не сговариваясь, старшекурсники бросились наверх. В подвале остались я и Павел Семенович.

– Что происходит?

– Извини, – куратор тоже не сводил глаз с циферблата. – Разговор снова откладывается. Я все объясню, как только вернусь, обещаю. Даже если ты в это время будешь на занятиях.

Э... мы вроде бы на «вы» были... Я так удивилась, что не заметила, как подошла заведующая общежитием:

– Может, не стоит откладывать? Возьми девочку с собой. Уверена, её присутствие...

– Она студентка первого курса! – отрезал куратор. – Мало того, в академии всего один день. Зачем она там? Под ногами путаться?

– Зато сразу узнает, почему её на спецкурс зачислили! И зачем. Вот что, поскольку мое слово здесь решающее, Антонина отправляется с нами! А потом вы, Павел свет-Семенович, ответите ребенку на все вопросы.

Я ничего не понимала. Взрослые сверлили друг друга такими взглядами, что оказаться между ними не хотелось.

Выиграла заведующая. И улыбнулась куда-то в пустоту:

– Халат девочке передай!

Через пару минут на лестнице послышались торопливые шаги. Спецкурс, нагруженный сумками, возвращался в подвал.

– Вот, сказали, тебе понадобится, – Майя протянула белый халат. Мой собственный! Но я точно помнила, что заперла дверь!

Правильно поняв, Кирилл равнодушно пояснил:

– Прокуда принес. Сказал, ему разрешили. Ну, чего стоишь? Заходи!

Что здесь творится? Почему все такие взволнованные? И куда они собрались? Вернее, куда они меня тащат?

Последней в класс вошла заведующая. Закрывает двери и пояснила:

– У жар-птиц начался брачный период. Особо крупная стая в своих игрищах подожгла часть леса вокруг Солони. Сильно пострадала южная окраина города. Специалисты из ожоговых центров уже там. Вы, как обычно, их усиление.

Пока она говорила, свет, и без того неяркий, тускнел. Класс медленно погружался в темноту. В полумраке я видел, как ребята натягивали на головы фонарики. Вскоре помещение освещалось только их лучами.

– Бересклетова! – прикосновение к плечу вывело меня из ступора. – Раз уж ты с нами, уясни себе намертво: куда поставлю, чтоб там и была! Первое: никакой самостоятельности! Твоя задача: наблюдать, запоминать, учиться и делать выводы. Второе: не путайся под ногами, пока ты только помеха. Третье: что бы ни случилось, не пугаться, не удивляться и позаботиться о собственной безопасности. Ну, и четвертое: до возвращения – никаких вопросов. Усекла?

Вот это поворот!

Мне стало страшно. И белеющие в темноте лица спецкурсников оптимизма не внушали. Особенно равнодушно-холодное Кирилла. Даша смотрела чуть выжидательно, а

Майя вдруг задорно подмигнула, но тут же отвернулась, старательно выискивая что-то в своей сумке.

– Ну? – поторопил с ответом куратор. – Или тебя прикопать к ближайшему дереву, чтобы никуда не вляпалась?

– Усекла!

Ответила – и не узнала собственного голоса. Какой-то комариный прерывающийся писк. Но этого оказалось достаточно. Павел Семенович стиснул мою руку:

– Держись рядом. И ничего не бойся – ты под защитой самой Макоши.

Уверенности это не добавило, но колени подкашиваться перестали. До той поры, пока заведующая не распахнула дверь:

– На выход. И да помогут нам Пресветлые Боги!

Просторную комнату со множеством дверей наполняли люди. Входили и выходили врачи в белых халатах или медицинских костюмах. Подбегали к столам, отмечались в списках, выслушивали задания и убегали снова. На многочисленных полках стояли плоски, крынки и горшочки, плотно завязанные тряпицами. Их забирали и уносили, но на пустое место немедленно ставилась другая посуда.

Суэта оглушила, я даже забыла, что нужно выходить. Очнулась от чувствительного толчка в спину. Кирилл недовольно буркнул:

– С дороги, салага! – и рванул в людскую круговерть.

– Степан, я привел своих! – Павел Семенович пробился к

столу. Мужчина за ним поднял голову:

– Те же?

– Плюс Бересклетова Антонина. Первый курс.

Мужчина устало кивнул и повернулся к заведующей. Та уже просматривала записи.

Мамочки! Да это же береста!

Небольшие кусочки покрывали стол, на них что-то корябали острой палочкой, а потом написанное отправлялось в корзинку.

К столу скользнула девушка. Тонкая, худенькая, в белой рубаше до пят и венке из листьев в поперх распущенных волос. Подхватила корзинку и... исчезла.

– Пойдем! – куратор взял меня за руку и поволок к выходу, а я все оглядывалась. – Что, берегинь никогда не видела?

Ответить на это извращенное издевательство не успела: дверь распахнулась, и я застыла, не смея даже вздохнуть.

Зарево гигантского пожара достигало затянутого дымом неба. Багровые языки пламени метались в поисках добычи. Деревья, дома, заборы... Пылало все!

В горле запершило – запах гари пропитал все вокруг.

– Скорее! – Павел Семенович потащил меня вперед.

Повсюду на расстеленных покрывалах лежали люди. Кто-то кричал от боли, кто-то выл по-звериному, а кто-то молчал – и это было страшнее всего.

Обгоревшие тела, обуглившаяся одежда... Я отметила её необычность, но ужас, творившийся вокруг, затмил все. Он

казался осязаемым, густым, как черный жирный дым вдалеке.

– Сиди здесь! – Павел Семенович толкнул меня на большой чурбан. – Смотри, запоминай, а главное – никому не мешай! Кирилл, за мной! Остальные – к бригаде!

Ребята рванули к группе врачей, одетых в синие комбинезоны. Расхватали сумки и тут же растворились среди людей.

Я осталась одна.

Какое-то время оглядывалась, не понимая, что происходит, потом шум в ушах сложился в слова, а люди перестали беспорядочно мельтешить: оказалось, у всех передвижений есть своя цель.

Прямо на земле расстилали покрывала. Люди в грязных от копоти и крови рубахах подтаскивали раненых и, освободив носилки, снова убегали вдаль.

Между пострадавшими плавно скользили девушки в длинных рубахах и юбках чуть ниже колена. Их измазанные в крови передники давно потеряли белизну.

Было в этих нарядах что-то знакомое, словно я уже видела все это. Осталось вспомнить, где и когда.

Понимание пришло внезапно, стоило кинуть взгляд на ноги раненого, которого как раз пронесли мимо. Лапти! Не узнать их – невозможно даже такому профану, как я.

Стоп, это что? Прошное?

Мамочка-а-а! Как же хочется домой, в свою комнатку, под одеяльце! И чтобы никакого открытого огня в печке!

– Ох, бяда-бяда! – раздался то ли стон, то ли всхлип.

Рядом возник мужичок. Невысокий, мне по плечо. В лохматых волосах запутались листья, а борода отливала болотом. Пронзительные зеленые глаза смотрели на меня не мигая.

– Бяда какая! Огневушки пляски затеяли, расшалились, никого не слушают! Так, глядишь, весь лес мне спалят! Ты, девонька, Бабу Ягу не видела? Если кто и поможет, так только она...

– Не-е-ет...

Мужичок как-то грустно посмотрел на меня и ушел, продолжая причитать об огневушках, погибшем лесе и Бабе Яге.

Понять, что это было, не дали. Сильный толчок в плечо заставил вскочить.

– Ты! – в лоб уперся палец. – Откуда?

– Академия Макоши, – все, что сумела выдавить.

– Спецкурс? – врач сунул мне оранжевый ящик: – Не отставай!

О том, что куратор велел ждать здесь, сказать не успела, пришлось бежать следом.

Я очень старалась не смотреть на раненых. Влажно блестящие ожоги, одежда, спаянная с кожей... Коричневые струппя, а главное – запах. Никогда не забуду вонь горелого мяса!

– Помогай! – рявкнул врач. В руках появились ножницы и коробочка, в которой лежали клубки: черный, красный, желтый и зеленый. – Код – черный!

Я не сразу поняла, чего он хочет. Врач раздраженно выхватил ножницы и отрезал кусок нитки, после чего закрепил его на запястье едва дышащего человека. И кинулся к следующему.

– Желтый! Асептическая повязка и охлаждающая мазь на первую степень. Ну же!

Накатило оцепенение. Я видела бегущих людей, раненых, врачей, старающихся оказать помощь. Смотрела на девушек в рубашках и поневах. Все, как в замедленной съемке. И я не понимала ни слова!

Было очень страшно.

С одной стороны – стонущий от боли человек. С другой – желание бежать. Бросить все и бежать прочь. Не видеть. Не слышать. Не обонять!

– Да не стой истуканом!

– Первый день на спецкурсе, – Кирилл забрал ящик и присел на землю перед больным. Миг – и на руке красуется желтая нитка. А потом на кожу наносится спрей и какая-то мазь из глиняной баночки. Я видела такую в том зале, куда мы вышли из учебного класса.

Быстрые, ровные движения спецкурсника завораживали. Он знал, что делать! И делал.

– Что ты здесь забыла, говорю? – до сознания дошел вопль недовольного врача. – Марш на место, курица. И не путайся под ногами!

Выругавшись, он помчался дальше. Кирилл, чуть приги-

баясь под тяжестью двух ящиков, заторопился следом. А я поплелась к своему чурбану.

Он стоял у большого щита, сколоченного из грубо острого-ганных досок. На нем трепетали под порывами ветра наскоро прибитые клочки бересты. Я вгляделась в едва заметные вмятины, но знакомые буквы отказывались складываться в слова.

Рядом раздался вой. Женщина в сбившемся платке осела на землю. В глазах бушевало безумие.

Её тут же подхватили под руки и оттащили в сторонку. У стола, заставленного плоскими и горшками, хозяйничали те, кого куратор назвал берегинями. Одна из них что-то старательно переписывала с кусочка бересты, шевеля губами.

Вокруг толпились люди:

– Матушка, глянь, может, жив мой Соловушка?

– А про Ждана, сына Желаны, тоже ничего? Ты уж погляди, не откажи...

Берегиня только кивала, не прерывая своего занятия.

А я снова всмотрелась в линии на бересте.

Теперь было ясно, почему некоторые символы показались знакомыми. Такие буквы я видела на фотографиях в учебнике по истории. Похоже, на этом щите вывешивали списки пострадавших.

Плач, стоны, надежда, горящая в глазах обступивших стол людей... Захотелось помочь. Хоть чем! Но в медицине я полный ноль, как и в старославянском.

К столу подошла еще одна берегиня, поставила корзинку и исчезла.

Стоп! Я такое уже видела! В похожую складывал записи тот мужчина! Он точно писал на русском!

Так и есть! Кривоватые линии складывались в знакомые буквы. А берегиня просто переводила!

– Я могу помочь?

Толпа отшатнулась. Белый халат, что ли, так подействовал? Берегиня подняла усталый взгляд и обвела раненых.

– Я еще не врач. Ну, не целитель, поэтому там бесполезна. Может, здесь на что сгожусь?

– Может, и сгодишься... – улыбнулась берегиня. – Сможешь вслух прочитать? А я записывать буду. Тяжко ваши письма разбирать.

Захотелось ответить, что не сложнее, чем их, но вместо этого я послушно вытащила берестяную записку.

– Нет, эти потом. Здесь... – в уголках покрасневших от дыма и усталости глаз показались слезы. – Сначала выжившие, легкораненые. Бери отсюда.

– Тихомир из Кузнечной слободы, – буквы скакали, сливались, пришлось вглядываться.

За спиной раздался вскрик. Девчушка, подхватив подол, метнулась в сторону, только украшение на конце длинной косы звякнуло.

Люди теперь обступили не берегиню, а меня, вслушиваясь в каждое слово.

Это нервировало. Но у них, может, родные сгорели! Так что потерплю!

– Ёрш, Третьяков сын...

Мужик, нервно теребивший шапку, крикнул и, поклонившись, заспешил туда, где собирались легкораненые.

– Беяна...

Я читала, и народу вокруг становилось все больше. Посыпались вопросы с именами. На любопытных шикали, чтобы они не мешали слушать. Наконец, береста закончилась, но принесли еще парочку корзин.

– Отдохни покуда, вон, язык заплетается. Кваску попей... – в руках оказалась глиняная кружка, а берегиня пошла к щиту. Люди кинулись следом, нетерпеливо ожидая, когда она повесит такие важные листочки.

В эти несколько минут я перевела дух. Квас пощипывал небо, но хлебный дух не перебивал запах гари. Раненых куда-то увозили на подводах, но на их место тут же поступали новые. К счастью, уже не такие «тяжелые», в основном – небольшие ожоги рук и лица.

Люди искали своих и радовались, или заходились в диком вое. К таким тут же подбегали берегини, поили чем-то, пытались успокоить.

Врачей, тех, к которым я привыкла в своем мире, было немного. Синие комбинезоны и белые халаты мелькали тут и там, пару раз я заметила Павла Семеновича. Увидев меня за столом, он одобрительно кивнул и тут же склонился над

очередным раненым. Берегиня рядом с ним полезла в укладку, выполняя распоряжения.

Кирилл и Артем работали самостоятельно. Дашу и Майю найти не получилось, да и времени не было – вернулась моя "начальница".

– А почему вас называют берегинями? Вас так много...

– И все похоже, да? – она чуть улыбнулась, придвигая мне следующую корзинку, и пояснила: – Потому что оберегаем. Богини мы!

Так. Кажется, у меня крыша едет. Наверное, не стоит пока вопросы задавать. Потом, все потом!

Я уткнулась в бересту, заняв мысли работой, и очень удивилась, что корзинка пуста.

– Так закончили, – берегиня складывала последнюю партию записей. – Вывели всех, теперь разве что залетный какой обожжется. Устала, милая?

Я потеряла глаза и огляделась.

Раненых действительно стало меньше. Кого увезли, кто сам ушел. Издалека доносились причитания. Смотреть в ту сторону не хотелось, именно там собирали всех умерших, и от тонкого воя на одной ноте холодела спина.

– Вот проклятая, – услышала я обрывок разговора, – накликала! Приманила жар-птиц!

– Говорят, как три дня назад птица Гамаюн подала голос, так и не замолкала, – вздохнула берегиня. – Только не кликала она беду, а предупреждала. Не слышали. Ну, ступай,

милая, отдохни. А за помощь благодарствую.

И отсюда гонят. Спасибо этому дому, пойдем к другому.

Теперь я уселась на чурбан с чувством выполненного долга: тоже помогала. Но радости не было: слишком много горя.

– Чего нос повесила? – подошедший Павел Семенович уселся прямо на землю. – Устала?

Отвечать не хотелось, ограничилась кивком.

– Ну, ничего, потерпи. Сейчас Яга вернется – и домой.

– Пожар же... Какая Яга?

Кирилл, застегивающий укладку, фыркнул:

– Заведующая общежитием. Ты что, ничего и не поняла?

– Стоп! – оборвал его куратор. – Вы во все это с открытыми глазами шли, после подготовки, а Тоня... В общем, моя вина, не успел рассказать. Домой вернемся, поговорим.

– Так же, как в прошлый раз? – вспомнилось, как его все время что-то отвлекало.

– Нет. На самом деле поговорим.

Но почему-то мне этого не хотелось, и так слишком много эмоций. Особенно после «курицы».

– Кирилл, – позвала и сжалась от страха, что обожжет, ошпарит презрением. Он же был свидетелем того позора. – Спасибо за помощь. Сама бы я...

– Ничего. Надеюсь, в следующий раз язык не проглотишь. Нельзя же быть такой неуверенной!

– Кирилл! – Павел Сергеевич даже не повысил голос. Но в нем прозвучала ярость, и замолчали все.

– Вот вы где! – напряжение разбавила заведующая. Её аккуратный пучок растрепался, опаленные волосы рассыпались по плечам, но перемазанное в саже лицо сияло. – Угомонили огневушек. Те еще... пакостницы. Ну, чего пригорюнились? Пойдемте ужинать, сейчас и остальные подтянутся!

Это было далеко от обещанного возвращения, но в животе забурчало, и только теперь я поняла, как проголодалась.

Никто не обратил на это внимания. Все слишком устали. И медленно плелись за... Стоп! Что там тот бородатый говорил, что огневушек может только Баба Яга остановить?

От страшной догадки я споткнулась и чуть не упала, поддержал Артем и подтолкнул вперед:

– Под ноги смотри, дороги тут неровные.

Но смотрела я не на землю, а на стоящий на опушке дом.

Высокий, в два этажа, сложенный из толстых бревен, он опирался на столбы в обхват толщиной. И столбов этих было не счесть. К двери вела высокая лестница, а окна обрамляли кружевные наличники.

– Чего встала? Милости просим! – улыбнулась заведующая и первая полезла на резное крыльцо.

– Простите, а вы...

Она остановилась, глядя сверху вниз, а потом расхохоталась:

– Уже наслушалась? Да, я та самая Баба Яга, которой в вашем мире детей пугают. Но не бойся, не съем! А вот накормить да в баньке попарить – это за милую душу. Ну, чего

застыли, как неродные? Скорее заходите, время позднее, а мне еще вас по домам провожать!

Карабкаясь по лестнице, я не понимала, как не заметила её раньше. Мы же отсюда выходили!

Зал тоже изменился. Теперь здесь никто не суетился, да и сам он стал как будто больше. Люди сидели на деревянных лавках, а у дальней стены я разглядела печь. Самую настоящую! Со всеми заслонками, устьями и шестоком! Только не белую, как рисовали в детских книжках, а расписанную яркими цветами, напоминающими хохлому.

Вдоль стены расположился стол, сколоченный из потемневших от времени досок. Его украшала длинная кружевная дорожка, на которой стояла ваза с цветами.

– Первые уже парятся? – поинтересовалась заведующая у собравшихся. Часть из них успели сменить медицинские комбинезоны на банные простыни. – Вот и отлично, вот и хорошо. Только девочкам надо уступать, так что...

Мужчины закивали, и заведующая, которую я никак не могла назвать Бабой Ягой, поманила меня за собой:

– Не стой, ровно истукан! Народ здесь ушлый, затопчет! – и рассмеялась.

Я только теперь заметила, что Даша с Майей давно машут из соседней комнаты.

Мне выдали махровую простынь, полотенце и березовый веник, а одежду забрала безмолвная девушка в неподпоясанной рубахе и зеленом венке:

– Мавки быстро все в порядок приведут, никакой стиральной машинки не надо.

Я не стала спрашивать, кто такие мавки – хватило и признаний берегинь. Сказать кому – божества! А я с ними так запросто, за одним столом...

Мамочки! О чем думаю!

На мгновение почудилось, что все это не на самом деле, что я просто свихнулась и сейчас нахожусь где-то в сумасшедшем доме, в комнате с мягкими стенами.

– Ты не рехнулась, – тычок в плечо заставил очнуться. Майся хохотала: – Я сама чуть с ума не сошла, когда поняла, что все это правда! Неделю ходила, как оглоушенная. Вон, Дашка подтвердит!

Даша только кивнула. И заметила:

– Нас зовут!

Парная обняла теплым жаром и квасным духом. Заведующая крякнула:

– Ох, друже банник, постарался, благодарствую!

И разложила на полке сначала Дашу, потом Майю, а напоследок и меня.

И как же это отличалось от того махания вениками, что я знала до сих пор.

Сначала тело превратилось в квашню, расплылось по полку, а после словно переродилось. Я не сразу поняла, что, охаживая меня вениками, заведующая что-то бормочет себе под нос.

– Что? – не расслышала.

– Заговор это, на здоровье. Ну, девушки-красавицы, да-вайте-ка мойтесь поскорее, красу наводите да к столу, а то мужчины ждут, тоже умаялись, бедные.

– Погодите! – окликнула я её. – Так почему вас Бабой Ягой называют?

– Так сказала уже – потому что Баба Яга и есть.

– Страж она между мирами, – прошептала Майя и плеснула на каменку воды, отчего помещение наполнилось паром. – Эта её изба, она в нескольких мирах одновременно стоит, в каждом в своем виде.

– Общежитие? – ахнула я, уж очень не вязалось кирпичное здание с добротным домом.

– Оно самое. И попасть из мира в мир можно, только если Баба Яга проходы откроет, а делать она этого очень не любит, мало ли какая пакость проберется. Кстати, ты здесь без разрешения двери не открывай, занесет к черту на кулички, не найдем.

– А где мы сейчас?

– На Кромке, – Майя сказала это так, словно я должна была понять и проникнуться. – Ну, место такое, между мирами. Павел Семенович потом объяснит.

– А чего ждать-то? – возле нас остановилась, снующая вдоль стола заведующая. – Приволок девчонку, бросил в пекло и думает, что та все сама поймет! Сейчас объясняй!

Но мне было не до объяснений. Голод оказался сильнее лю-

бопытства. Я смотрела, как на небольшом столике появлялись блюда с пирогами, тарелки с кашей, горшки с ароматно пахнущим варевом... Такого я не видела!

– Скатерть-самобранка! – шепнула Майя и скользнула на лавку в самом конце стола, к остальным спецкурсникам.

– Я тоже думаю, что зря Антонину сюда взяли. Не готова оказалась, растерялась...

Вот от Кириллы я такого не ожидала! Сама знаю, что не справилась, но зачем лежачего-то бить?

– Но дело себе нашла быстро! – встряла заведующая. – Больно её берегиня хвалила.

– Дело-то дело, да не того от неё ждали!

– А ну тихо! Салажатам права голоса не давали! – не желала отступить Баба Яга. – О Даре её хоть кто-то поинтересовался? Или так и будете из пустого в порожнее?

Когда в тишине все взгляды устремлены на тебя, а ты сидишь в одной махровой простыне, становится очень неудобно. Люди, только что кидавшиеся в пекло, ждали ответа. А что я им скажу? Сама ничего не знаю! И о чем вообще речь?

– Дар Антонины – удача! – сообщил Павел Семнович.

И тут я не выдержала. Расхохоталась. Да так, что задыхаться начала.

Скажет тоже! Это у меня-то удача? У меня? Точно, я сейчас в дурке! А все вокруг – галлюцинации. Правда, очень качественные.

Смех ободрал горло и превратился в слезы. Заведующая

оставила очередное блюдо, которое тащила на стол, и крепко меня обняла, позволив спрятать лицо.

– Довел девчонку и рад? Как гадом ты был, Павел свет-Семенович, так им и остался.

И, подняв меня из-за стола, увела в другую комнату:

– Здесь отдохни. Завтра разбуду да в училище твое честь по чести снаряжу. А пока спи. С утра поговорим, и злыдень этот от извинений не отвертится.

Кого она так назвала – куратора или Кирилла, я не поняла. Но послушно улеглась и даже глаза закрыла. Только не шел сон. Кусок пирога, который успела проглотить, вызвал жажду. Но искать воду не осмелилась, помнила слова Майи о дверях, которые нельзя открывать.

И все-таки пить хотелось невероятно. И я решилась. Можно ведь не заходить, а приоткрывать, заглядывать и, если за дверью ничего не окажется, просто захлопывать! Да и вряд ли в этом доме так много дверей.

Я ошиблась. Они здесь были повсюду. Одни вели в пустые комнаты, другие – в кладовки, за третьими скрывались спальни...

Но существовали и иные, на вид ничем не отличающиеся от обычных.

Пустота. Это первое, что я почувствовала, открыв низкую даже не дверь – дверцу. Не увидела, а именно почувствовала. И эта пустота тянула ко мне невесомые щупальца, затягивала, звала сделать шаг вперед...

За другой колосились хлеба. Над полем плыла огромная полная луна и вдалеке ухал филин. Мне было туда не надо, поэтому я просто прикрыла дверь.

А вот за очередной появился знакомый коридор. Крашенные стены, коричневые ступеньки, тусклые лампы под потолком. И старые парты, сложенные одинаковыми штабелями. Общежитие! Может, вернуться? Все же в своем мире спокойнее, тем более что остальные уже дома – вон, переговариваются. Уж равнодушно-снисходительный голос Кирилла я везде узнаю. И Дашин, вялый и очень тихий, так что слов не разобрать.

– Куда, чокнутая? – сильные пальцы обхватили запястье и выдернули обратно в избу. – Разве можно вот так, без проводника, самой?

Рядом стояла разъяренная Баба Яга.

– Так я же... домой! Там и Даша, и...

– Это не Даша, – глухо ответила Баба Яга. – И это не твой мир. Одевайся – кивнула на стул с чистой и сухой одеждой, – да пойдем почаевничаем. Чую, беседа долгой будет.

Скатерти-самобранки не было, но на столе стояли и пироги, и кувшин с квасом, и разные варенья, а рядом пыхтел самовар.

Баба Яга налила чай, протянула мне чашку:

– С ромашкой. Самое то сейчас. Ну чего тебя в тот коридор-то потянуло, болезная?

– Домой захотела!

– К дому твоему иная дверь ведет, после её открою, сама и провожу. А на будущее: не могло там твоих друзей быть, никак не могло. Ибо нет у них двойников ни в одном из ведомых мне миров. Да и твоего – нет.

Почему-то это показалось неприятным. И ведь слышала, что видеть своего двойника не к добру, а все равно стало обидно! Баба Яга продолжала:

– Сколько говорила Павлу, чтобы сразу все, как есть, рассказывал, так нет, темнит... – Баба Яга аоняла мои сомнения: – Да человек он, человек, из вашего мира. Врач хороший, да вот только суров не по чину. Но тем и ценен.

Я хотела уточнить, но получила предостерегающий взгляд, словно она читала мысли.

– Знаешь уже, что на Кромке оказалась, а теперь поведаю, зачем. Все эти миры – она оглянулась на двери, – отражение друг друга. Но живые люди есть только в вашем и здесь, на Кромке. Мало того, почти все они – двойники. И случись что с одним, другой тоже пострадает.

– А как же я... мы?

– Вы – чудо из чудес. Одиночки могут спокойно находиться в любом мире без опасения, что он выкинет их в безвременье или уничтожит.

– И на том спасибо!

Баба Яга не обратила на мой вздох внимания.

– Вот богиня Макошь и придумала объединить знания и умения наших миров, дабы поменьше людей погибало.

– И потому нас заставляют участвовать во всем этом? – я указала на окно, за которым еще виднелось слабое зарево.

– А разве в вашем мире врачи не выезжают на места катастроф? Не спасают пострадавших на пожарах, при землетрясении или наводнении? Здесь то же самое. Только, помогая нашим бедам, вы предотвращаете их в своем мире. Думаешь, это – она повторила мой жест, – нигде не аукнется? Двойники тех, кого вы сегодня спасли, останутся живы.

– А те, кого не спасли... они на том пожаре... тоже?

Баба Яга пожала плечами:

– Двойники могут и вовсе там не оказаться. А загорать где-то на пляже, или ехать в поезде далеко от места катастрофы. У кого сердце прихватит, у кого давление подскочит... Или солнечный удар.

Я не знала, что сказать. Понимала лишь, что из академии надо бежать. Еще одного такого пожара я не переживу.

Глава 4

Увязав в узелок целое блюдо с пирогами, Баба Яга всучила его мне:

– С ребятами поделись, а то знаю я вас, студентов. Вечно все на бегу, так хоть позавтракаете! Ну, готова? Пойдем, провожу.

Она без раздумий открыла одну из дверей, на глазах превращаясь из добродушной хозяйки дома в строгую заведующую. Даже походка изменилась.

– Подождите! – почему-то показалось правильным спросить именно сейчас, до того как переступлю порог между мирами: – Павел Семенович сказал, что я обладаю удачей, что это такой дар. Но ведь это же неправда!

– Милая, – взгляд серых глаз смягчился на мгновение, – учись слушать! Он сказал по-другому: "Дар Антонины – удача". Понимаешь? Не ты удачлива, а твой дар – удача. И это, прости уж за тавтологию, огромная удача для всех нас!

– А мне что с этого?

Заведующая вздохнула:

– Расстроилась? Ничего, все у тебя хорошо будет. Идем!

Прокуда мячиком скакал по рекреации, одновременно попрошайничая и ябедничая. Заведующая подмигнула:

– Думаешь, откуда я все знаю? Ну, иди спать!

Закрывая дверь, услышала, как она велела Прокуде при-

смотреть за новенькой и вовремя разбудить, чтобы не проспала занятия.

Сделал он это привычно: скинув с полки все книги.

– Вредитель! – буркнула я, отправляясь умываться.

– Это чье? – поманила из кухни Майя и указала на блюдо с пирогами.

– Общее! Велели позавтракать!

Готовка в этот раз отменилась, гостинца хватило всем: и с луком, и с рисом, и с ливером. И со сладкой начинкой!

Завтракали все вместе, для чего притащили стулья из комнат – на кухне не было ни одного. Даже Кирилл присоединился, хотя до этого держался особняком.

– О чем вы с ней разговаривали?

Имен Майя не называла, и так было понятно, о ком речь.

– Да так. Обо всем и ни о чем, – я прожевала и решилась задать мучащий с ночи вопрос: – А у вас всех есть какой-то дар?

– Конечно! – Артем кусал пирог аккуратно, не уронив ни крошки. – Майя, например, хорошо в растениях разбирается. А на Кромке так прямо чувствует, что к чему; одним корешки посоветует, другим – вершки.

– А ты?

– А я диагност.

– Ага, УЗИ, МРТ и рентген в одном флаконе! Руками поводит и видит, у кого что болит, – хихикнула Майя.

– А Даша?

Та не ответила, сидела на уголке и больше чай пила, чем ела.

– Она будущий хирург. Знаешь, если она зашивает рану, никогда осложнений не бывает! Её наузы...

– Что?

– Наузы. Узлы такие специальные. Даша может «пришить» или «привязать» к человеку здоровье. Думаешь, почему Кирилл требует, чтобы ему только она ассистировала?

– А... – я повернулась к Кириллу.

– Я хирург. Лучший на Кромке!

– Потому что из остальных там только Даша, и она на втором курсе, ей пока самостоятельно оперировать не разрешают! – не удержалась Майя.

Кажется, не все так просто в местных отношениях. Но Майя могла бы быть повежливее! Ни с того ни с сего налетела, обидела.

Кирилл молча пожал плечами и посмотрел на часы:

– Мне пора.

За ним потянулись остальные.

Оказалось, сменилось расписание! Кроме обычных предметов и анатомии, «на закуску» мне придется изучать «спецпредмет». Какой, доска с объявлениями не уточнила.

Майя, с которой мы вместе пришли в училище, тут же пояснила, что занятия индивидуальные, каждый занимается тем, что важнее в данный момент.

– Кирилл из анатомички не вылезает, Дашка тоже. Ну а

я... – она загадочно улыбнулась. – Знаешь, какие красивые там леса!

«Там» – это, видимо, на Кромке.

Вот только возвращаться туда мне совсем не хотелось. Перед глазами стояла та черная пустота и странные, невесомые щупальца, от которых чернильной кляксой растекался ужас.

Сдвоенные уроки пролетели быстро. В нас действительно пытались впихнуть двухлетний курс за ограниченное количество времени, отчего к концу третьей пары голова гудела, как пустой котел. А ведь в расписании еще анатомия стояла!

Толстый учебник весил больше, чем остальные, вместе взятые. На уроки было велено принести не только толстую тетрадь, но и альбом, фломастеры и цветные карандаши. Однокурсники посмеивались: наверное, перепутали с уроком рисования.

Все оказалось сложнее.

Учитель сразу заявила, что не педагог – те остались в школе. Она – преподаватель, от слова «преподавать». И если мы не желаем учиться сами, то бегать она ни за кем не собирается. А вот спрашивать наличие домашнего задания – будет. У всех. И очень строго. Ибо анатомия и физиология – суть основа медицины.

Дав несколько минут на осмысление, учитель начала урок. Слушать об истории предметов было скучно, а уж когда начались имена! Ну, ладно Пирогов, Авиценна или Гиппократ! Об этих-то каждый слышал. А вот Гарвей, Андрас Везалий

или Шванн сводили с ума.

Ну кому это надо?

Через десять минут стало ясно, что моя ненависть к медицине взаимна. И что я или нахожу способ свалить, или... не доживаю до выпуска.

А еще вездесущая Майя! Вечером, когда я выползла наполнить чайник, она сочувственно покачала головой и прошептала в ухо, словно секретом делилась:

– Анатомичка у вас – зверь. Но предмет знать будешь. И мой тебе совет: учи все, что задает, иначе... – движение ладони возле горла было понятно даже идиоту. – И поешь перед спец, он может затянуться.

– Я не пойду! – желания возвращаться на Кромку не было ни капли.

– Да ладно! – Майя опешила. Не картинно, а на самом деле. – Тебе что, параллельные миры неинтересны? Ученые и фантасты жизнь готовы отдать за возможность хоть одним глазком...

– Я не ученый и, тем более, не фантаст. Я человек, которого насильно отправили в этот дурдом. Поверь, все, о чем мечтаю – свалить как можно быстрее и как можно дальше.

И ушла к себе. Только услышала изумленное:

– Дела-а-а!

Вот наивная! Не видела я этой «сказки» шестнадцать лет, и еще бы три раза по столько не видела! Вместе с долбаным училищем. Пардон – академией. И Макошью заодно.

Но прогулять просто так занятия... Мне уже рассказали, чем такое чревато: замучаешься допуск добывать. И это в училище! В академии, наверное, еще строже. Пришла пора включать фантазию! А она у меня безграничная!

Ну и хронический тонзиллит помог. В детстве я много и часто простужалась, горло болело почти всегда, результат – увеличенные миндалины. Они особо не беспокоили, поэтому удалять их не стали. А классе в пятом я сообразила, что простуда – прекрасная отмазка для школы.

Может, и здесь прокатит?

Заглянув в горло, фельдшер ахнула:

– Сильно болит?

Я покивала, привычно делая вид, что не могу говорить. Результатом была справка-освобождение от сегодняшних занятий и приказ немедленно обратиться в поликлинику.

Получилось!

Я занесла справку в деканат и позвонила маме. Удивительно, что она до сих пор не раскусила обман.

Она примчалась немедленно. И забрала домой, жаль, что на время.

– Вот и оставь тебя одну на несколько дней! Ледяную воду пила? Или мороженым объелась? А может, ночью окно не закрыла, продуло?

Я только кивала, радуясь, что «больное горло» спасает от ответов.

Дома мне разрешили полоскание и велели лечиться. Против-

ный привкус лекарств я считала платой за свободу от занятий.

Зато можно было не думать об академии. И разработать план побега. Надо только мамин настрой прощупать! Может, отыщу слабое место.

– Ничего себе! – послышалось из большой комнаты, папа как раз включил телевизор.

По всем каналам передавали одну и ту же картинку – на перегоне столкнулись пассажирский и товарный поезда. Цистерны с мазутом опрокинулись, залив все вокруг черной воющей жижей. Пожар признали беспрецедентным.

Стена огня, пожирающая деревья; валяющиеся на боку составы, все это вызвало острое чувство дежавю. А мечущиеся фигуры его только усилили.

Врачи, пожарные, МЧС... теперь я видела в их работе упорядоченность. И знала, кого будут спасать в первую очередь – людей с красной и желтой нитками на запястьях.

Это было страшно.

– Тоня? Тонечка? Тебе плохо? – мама пощупала лоб. Её рука была холодной. – Температура, так и знала! Марш в кровать!

Я не сопротивлялась. Но, свернувшись калачиком под одеялом, видела плачущих людей, слышала крики обожженных звучали – они звечали как наяву. А еще я знала: тот мужчина, который только что давал интервью, погибнет. Потому что я видела его, неподвижно лежащего на деревянных

носилках, с черной ниткой на запястье, и берегиня аккуратно закрывала его лицо белой тряпицей.

Но ведь были и другие! Были те, кто выжил! И если Баба Яга права, они уцелеют даже в этом аду!

Думать, а тем более вспоминать, не хотелось. Организм ответил на нежелание тяжелой, затяжной болезнью: ангина перешла в бронхит, я провалялась в кровати почти месяц. И окончательно решила, что не вернусь в академию. Все эти походы на Кромку, геройства ради спасения чужих жизней не для меня. Если останусь, о спокойной жизни можно забыть.

Главной проблемой оставалась мама. Теперь, после поступления, она окончательно видела меня в медицине.

Ну да ладно! В конце концов, не всем быть спасателями! И на «Скорой» не всем работать. Устроюсь куда-нибудь в кабинет и буду жить тихо-мирно, без катастроф и ужасов.

Но в академии считали иначе.

– Ты много пропустила, – первое, что сказал при встрече Павел Семенович. – Надо нагонять. Готова работать?

– Нет, – я ошалела от собственной наглости и не представляла, чем может закончиться этот бунт. – Я не хочу на Кромку. Я не хочу учиться в академии. Хватит и училища!

Куратор помрачнел:

– Не передумашь С твоим Даром...

– Что мне с того Дара? Помогает кому угодно, только не мне. Подруги ржут, прозвища придумывают. Даже не угова-

ривайте, я все решила!

– И все-таки, не торопись!

Спецкурсники были не столь деликатны:

– Дура ты, Тоня, – сходу залепила Майя. – Другие бы душу за такую возможность отдали...

– Готова поменяться!

– Ну чего пристала к человеку? Не видишь – не на своем она месте, – Кирилл поставил на плиту чайник и сунул в микроволновку всегдашние бутерброды. – Хуже нет, чем заниматься тем, что ненавидишь.

– Но её Дар...

– Её Дар – её личное дело. Но все же, – он повернулся ко мне, – рекомендую сходить на пару занятий. Может, узнаешь что-то интересное.

– Нет! Не хочу время терять – мне по основным предметам класс догонять!

– Как знаешь! – забрав бутерброды, Кирилл скрылся в своей комнате.

– Тебя будет не хватать, – робко вклинилась в разговор Даша.

– Почему это? Я же всего один раз с вами работала, и то – в сторонке просидела.

– Баба Яга тебя хвалила. Берегини просили передать благодарности – , с помощью твоего Дара многих удалось спасти.

– Дару, не мне, – вот это было обиднее всего. И я только

укрепилась в своем решении.

В этот день на спецзанятия так и не пошла. Учила в комнате анатомию – мне уже сообщили, что преподавателю плевать, болел ты или нет – пройденный материал должен от зубов отлетать.

Последствий не было, разве что Прокуда громко вздыхал и время от времени скидывал что-то с полка. Я делала вид, что не замечаю.

Через несколько дней стало ясно: никто никого силком на Кромку не потащит. Спецкурсники со мной почти не разговаривали – здоровались, и только, а в остальное время делали вид, что студентки Антонины Бересклетовой не существует.

Куратор был другого мнения:

– Тоня, твой Дар – редкостная находка! Ты не представляешь, скольким людям он может спасти жизнь.

– Павел Семенович, – я решилась на прямой разговор. – Меня в это училище запихнули насильно, мама воплощает свою мечту. Будь моя воля – давно бы документы забрала. И так несладко, а тут еще вы со своей Кромкой...

– Понимаю, – куратор сник. – Очень жаль, что...

– Подождите! – встрепелась я. – Меня что, на самом деле отпустят? Вот просто возьмут и... отпустят?

– Почти. Конечно, переведут на обычную форму обучения, да из комнаты придется переехать, но это детали.

– А... вы не боитесь, что я кому-нибудь расскажу?

Он засмеялся. Искренне, открыто:

– И тебе поверят? Подумай: какая-то Кромка, Баба Яга, другой мир... Сама бы поверила?

– Ни за что!

– То-то! Но на всякий случай отказавшихся поят отваром забудь—травы.

– Я потеряю память? – стало страшно.

– Нет. Забудешь Кромку и все остальное. Разве что при-
снится. Так что не бойся, ничего опасного. Не ты одна через
это прошла – никаких побочных действий, леший свое дело
знает.

– Кто?

Вот теперь мне точно стало плохо.

– Считаешь, приготовление такого важного отвара можно
доверить простой травнице? Ладно, пойдем.

– Куда?

– За травками. Ты же все решила, зачем тянуть?

– Вот так... сразу?

Павел Семенович пожал плечами и вышел из комнаты. Я
заторопилась следом.

– Решилась? – грустно спросила заведующая. – Твое пра-
во...

В подвале ничего не изменилось. Те же парты вдоль стен,
облупившаяся краска, серая от старости побелка... И пустой
класс. Но не успели двери закрыться, как раздался тонкий
писк, и часы на руке куратора замигали красным.

Заведующая встрепелась. Рядом материализовался Прокуда и запрыгал на месте, тараторя что-то о рыкаре, скале и волколаках. Баба Яга и куратор переглянулись, а через минуту в класс ворвались остальные спецкурсники.

– Сегодня у нас Кирилл с...

– Можно с Дашей?

Куратор кивнул, и Артем с Майей вышли в коридор.

– Тоня, ты пока тоже... подожди.

– Постой, – Баба Яга закусила губу, что-то обдумывая. – Можно попросить тебя помочь?

– Нет! – ответила сразу же. – Хватит с меня вашей Кромки.

– Один раз! А после возвращения выпьешь отвар. Пожалуйста! Я бы не просила, но рыкарей не так много, если с ним что-то случится...

Судя по тому, как Баба Яга побледнела, дело и вправду было серьезным. Захотелось помочь, но возвращаться в тот ад желания не было.

– Тебе ничего не надо делать! Просто быть рядом с раненым.

– И все?

– И все. Тебе ничего не грозит! Хорошо, можешь остаться в спецкрыле.

А вот это было уже интересно.

– Один раз.

– Спасибо! – выдохнула Баба Яга и закрыла дверь.

Лампочки под потолком стали привычно гаснуть, но я успела поймать неодобрительный взгляд Кирилла.

В этот раз не было ни зарева, ни суеты. Баба Яга вывела нас на улицу, где у крыльца лежал потрепанный, но все еще яркий ковер. Рядом стояла пара врачей. На их халатах я увидела вышитый алый знак – странное переплетение линий.

– «Жучок», символ Макоши. Используем вместо красного креста; он еще и защитой служит, – заметил мой взгляд Павел Семенович. – Удачи!

Врачи и мы уселись на ковре. Я чувствовала себя неловко – взрослые вроде люди, а поведение какое-то детское. Баба Яга что-то прошептала, хлопнула в ладоши, и украшенные бахромой края приподнялись, образуя бортик.

– Поехали! – рассмеялся один из мужчин, заметив мое удивление, и ковер взмыл в воздух.

– Нравится? – врачи полулежали, видно было, что этот способ передвижения им не в новинку. – Такая вот «Скорая помощь».

Оглядев нас, главный бригады посерьезнел:

– Так, студенты, слушайте вводную: рыкарь повздорил с волколаком, не учел, что у того стая поблизости. Скинули его в овраг, да так, что парень, похоже, все кости переломал. Так что готовимся к серьезной работе. Ты, – его палец уткнулся в меня, – какой курс?

– Первый.

Мужчина замолчал, что-то подсчитывая, и нахмурился:

– Зачем тебя сюда отправили? Рановато.

– Из-за Дара, – вмешался Кирилл. – Для неё этот выезд последний, сказала, уходит из академии.

– Понятно, – врач потерял ко мне интерес. – Значит, сиди рядом и не высовывайся!

Овраг оказался в лесу. Переплетенные ветки не позволяли ковру-самолету лететь даже вдоль тропинок, и нас пересадили в телегу. Тряскую и жесткую, так что не спасало и сено, на которое опустился наш ковер. Лошадка мчалась во весь дух, пришлось вцепиться в борта, но коврик вовремя приподнимал то один свой край, то другой, словно оберегая.

Раненого уже вытащили. Увидев это, врач заругался и кинулся к распростертому на земле телу:

– А фиксировать кто будет? А если позвоночник сломан?

Осмотрев раны, помрачнел:

– Несколько переломов и явно пневмоторакс. Фиксируем и транспортируем в больницу! Ты, с Даром... не отходи от него!

Я опустилась на колени в изголовье. Рядом, напевая какие-то заклинания, застыли две берегини. Еще одна о чем-то очень тихо докладывала врачу, и с лица того уходило недовольное выражение:

– Ладно хоть, вас позвать догадались! Даша, повязку на грудную клетку! Кирилл – на тебе ноги.

Они оказались переломанными. Парень ловко зафиксировал их с помощью досочек, которые уже притащили помощ-

ники – людей здесь набралось достаточно. Вот тебе и глушь лесная!

А Даша, разрезав рубаху рыкаря, священнодействовала.

Вскрыла какой-то пакет, наложила на рану грудной клетки ворох марли, а сверху закрепила толстый полиэтилен, оставив один уголок повязки свободным.

– Зачем?

– Чтобы воздух из плевральной полости выходил. Видишь, приподнимается на выдохе. А на вдохе пленка мешает. Поняла?

Смотреть на окровавленное тело было неприятно, но результат на самом деле впечатлял! Я пересела, чтобы взять мужчину за руку, а врачи продолжали суетиться: фиксировали переломы лангетами, прослушивали дыхание, измеряли пульс и давление.

– Надо было вместо Даши другого парня брать... диагноста, – пробормотал один.

– Ничего, справимся, – ответил второй. – Зато после Дарьи раны не гниют. Верно? – он подмигнул, и Даша залилась пунцовым румянцем.

Ковер-самолет приподнялся над телегой так, чтобы за раненым было удобно наблюдать. В себя он так и не пришел, и, как считали остальные – к счастью, иначе мог не пережить болевого шока.

Но на полпути к дому Бабы Яги рыкарь вдруг начал задыхаться.

Кирилл зметил первым, встрепенулся, схватил фонендоскоп. Остальные замерли, чтобы не помешать. Все, кроме врача. Тот отстранил студента и начал осмотр.

Закончив прослушивать, простукал грудь рыкаря и сообщил:

– В плевральной полости скопилась жидкость. Явно пневмоторакс. Кто скажет, откуда такие выводы?

– Данные перкуссии, анамнеза, давления. Кожные покровы... – начал Кирилл.

Врач не дослушал:

– Делай. Ты же умеешь?

Кирилл кивнул:

– В морге получалось.

– Отлично. И не бойся – я не дам тебе ошибиться.

Снова кивнув, Кирилл открыл укладку.

– Не трать время на анестезию – он все равно ничего не чувствует.

Толстая игла с трубкой, большой шприц... У меня от одного их вида по спине холодок пробежал. И в то же время я не могла оторвать взгляда от происходящего.

Даша взялась помогать, что сразу сделало её в моих глазах героиней. Я бы и близко не подошла! Да что там, уже жалела, что согласилась на эту авантюру. Но деваться было некуда, и я наблюдала.

Смыли кровь, обработали кожу йодом, и не один раз. Ки-

рилл снова простучал грудную клетку, а потом очертил пальцем зону:

– Вот здесь. Иглу!

Даша подала требуемое. Мне опять стало плохо, но я только крепче сжала ладонь рыкаря, стараясь думать о чем-то постороннем. Получалось плохо – любопытство оказалось сильнее.

Плавное движение, игла медленно проткнула кожу, утонула в теле... Я едва сдержала рвотные позывы, а уж когда шприц наполнился кровью...

– Дыши глубже! – раздалось над ухом.

Хотя внимание врачей было сосредоточено на действиях Кирилла, один из них заметил, что мне нехорошо.

– Может, нашатыря? Что, крови боишься?

Ох, не крови я боялась, а боли. Это не рыкаря кололи толстой иглой, а меня – даже заболело в том месте. Мама любит повторять, что её дочь слишком впечатлительная. Наверное, так и есть.

Но, вместо того, чтобы засмушаться, разозлилась: сама ведь все знает, ну куда отправляет с такими нервами в медицину?

– Наверное, все-таки нашатырь... – в нос ударил едкий запах, я даже задохнулась. – Держи, – в руке оказалась вонючая вата. – Протри виски. И крепись – скоро приедем.

Лес действительно расступился. Оба врача с Кириллом умчались на ковре-самолете. Мы с Дашей продолжили путь

на телеге – из-за раненого всем места не хватило, а Кирилл с его умениями был куда полезнее, чем мы.

Лошадь уже не летела напролом, а тихонько трусила, отчего и тряска почти исчезла. Даша растянулась на сене и закусила травинку:

– Красота! Отдыхай, пока можешь!

Пахло зелению, немного землей и... покоем.

Настроение не портил даже конвой из двух всадников. Едут себе и едут, к нам не лезут. И все-таки...

– Даш, а кто эти самые волколаки? Оборотни? – вспомнились русские народные сказки.

– Оборотни. Да не дергайся, не нападут – у нас охрана.

Но мне теперь двое мужчин надежной защитой не казались: а ну как целая стая? Вон, на рыкаря же напали! Кстати, а кто это такой?

– Рыкарь? – приподнялась Даша. – Ты о берсерках слышала?

– Это которые мухоморы ели и с ума сходили?

– Сама ты... с ума сходишь. Но что-то вроде, да. Так вот, рыкарь – это нечто подобное, только мозги не отключаются. Сила в войне просыпается, а разум остается чистым.

– Поняла, – я покивала, хотя на самом деле лишь окончательно запуталась.

Даша хмыкнула и снова откинулась на сено:

– Смешная ты, Тоня. Жаль даже, что уходишь – с тобой легко. Хочешь, останемся подругами?

– Я же память потеряю!

– А я – нет. Так что познакомимся заново. Хочешь?

– Хочу.

– Ну и дуры! – над головами завис вернувшийся за нами ковер-самолет. Кирилл попросил его опуститься ниже, чтобы можно было перебраться с телеги. – Между спецкурсниками не может быть дружбы! Мы – конкуренты. Только лучшие окажутся в больнице Макоши. Остальные...

– Уговорил, – хихикнула Даша. – Не буду с тобой дружить. А вот с Тоней – буду. Она же уходит из академии.

– Правильно делает! Баба с возу... – пробормотал Кирилл и тут же ойкнул от того, что Даша ткнула его кулаком в бок. – Прекрати! И береги руки, хирург недоделанный!

– Сам-то, – обиделась Даша и до конца пути не сказал больше ни слова.

У крыльца нас встречала Баба Яга.

– Не передумала?

Я оглянулась на телегу, на безразличного Кирилла, на смущенную Дашу, и замотала головой:

– Нет. Давайте свое зелье!

Баба Яга вздохнула:

– Знать, так лучше будет. Как выпьешь, не пугайся – голова закружится, в сон начнет клонить. Заснуть – заснешь, а как проснешься, про Кромку и не вспомнишь. Готова?

Я кивнула.

С крыльца спустился невысокий, смутно знакомый мужи-

чок. В руках он бережно нес расписную посудину, напоминающую изогнувшего шею лебедя.

– Вот, держи. Залпом!

Вкус оказался неприятным, сладковатым и очень вязущим. Я осушила чашу до дна и только тогда поняла, где видела мужичка: в прошлый раз он искал Бабу Ягу, чтобы огневушек успокоила. Так вот ты, значит, какой – леший.

Голова закружилась. Я улыбнулась – все, как предупреждали. Появилась какая-то легкость, предметы потеряли резкость, их очертания поплыли, как будто на бумагу с акварелью плеснули воды.

Последнее, что запомнилось перед провалом в пустоту – испуганные лица и кричащая что-то Баба Яга.

Глава 5

Голова болела зверски. Тихий разговор людей впивался в черепную коробку сверлом соседской дрели. Хотелось послать всех к чертям и спрятаться от людских голосов и солнечного света, который резал глаза.

– Очнулась, – раздался рядом довольный вздох.

Половицы чуть скрипнули под уверенными шагами. И тот же голос позвал:

– Передайте князю, что гостья проснулась!

Что?

Какому князю?

И... почему я все помню? И тот пожар, и раненых, и рыкаря, а главное – как пила отвар забудь-травы. Не подействовало?

Рывком откинула одеяло и огляделась.

На самом деле в просторной комнате царил полумрак – окна оказались завешаны вышитыми занавесками, напоминающими рушники. Вдоль стен тянулись лавки и сундуки, а рядом с дверью застыл странный шкаф, больше похожий на буфет. Возле него суетились девушки.

– Проснулась! Радость-то какая! – нарочито-слащавый голос был приятен для слуха, но его обладательница – немолодая женщина в синем вышитом сарафане и расписном платке поверх невысокого головного убора доверия не внушала.

– Где я?

– Как где? В палатах княжеских! Вот сейчас в мыленку сходишь, наряд новый примеришь да ко князюшке на беседу пожуешь. А там отобедаешь да на перинку пуховую отдыхать увалишься!

Этого мне только не хватало! Воспаленный мозг сплел воедино князя, обед и пуховую перину. Мамочки! Меня что, взамуж отдали? Ну, Баба Яга, ну погоди! Вовек тебе этого не прощу!

– Никуда я не пойду! – заявила я и отползла подальше от края кровати, к самой стене.

– Да как же так? – всполошилась женщина. – Как это – не пойду? Посмотри на себя! Растрепанная, одежда грязная...

Суета у входа заставила её замолчать.

– Оставь девушку в покое!

В комнату по-хозяйски вошел мужчина.

Ой! Никогда не думала, что такие на самом деле бывают! Высокий, сильный – просторная рубаха облегла плечи, как вторая кожа, так что были заметны перекатывающиеся мышцы. Но в то же время – не увалень, легок и гибок. А еще золотистые волосы и синие-синие глаза. Прямо как с картины про русских богатырей сошел.

Хотя почему – как? Может, на Кромке таких полным-полно?

– Голова болит?

Я кивнула – язык прилип к небу, губы от волнения пе-

ресохли. В какой-то момент мысль о замужестве перестала пугать – чего бояться, коли жених – такой красавец, да еще князь! Хоть в этом Баба Яга удружила.

Но мозг уже включился, и томное волнение утихомирилось от одной мысли: о свадьбе речи не шло. Женщина говорила о пуховой перине и отдыхе.

Вот это больше походило на правду!

Зачем князю я – невзрачная девица из другого мира? К нему – только свистни – все знатные боярышни прибегут да рядком выстроятся: выбирай, князюшка, невестушку. Небось не одно девичье сердце иссушил красотой. Уж себе могу признаться: таких днем с огнем не сыскать, разве что в каком модельном агентстве.

– Не бойся, никто тебя ни в чем неволить не станет. Как решишь поговорить, так милости прошу. Коли понадобится что – скажи Богдане Желановне. А ты, кормилица, не пугай девку, чай, не местная, обычаям нашим не обучена.

– Обучу, князюшка, всему обучу! – согнулась в поклоне женщина.

Князь улыбнулся и вышел, а в комнате враз стало просторно и темно.

– Ну, не хочешь в мыленку, так откушай, чего боги послали, – не унималась Богдана Желановна.

– Не хочу, – без боя я решила не сдаваться.

– Да за что на мою седую голову эта упрямица? – всплеснула руками княжеская кормилица. – Так чего же ты хо-

чешь?

– Домой!

В комнате повисло молчание.

– Домо-о-ой, – протянула надсмотрщица. – Вот об этом, душа моя, забудь. Жить тебе в тереме княжеском до скончания века! В почете и уважении. Так и запомни!

Как же! В почете и уважении... Хотя... кажется, фаворитки на самом деле при дворе почитались? Или это не в Древней Руси? Стоп! А при чем тут вообще Древняя Русь? Я на Кромке, а здесь все может быть.

Пока думала, отлежала бока. Еще немного повалилась в кровати на чистом упрямстве. А потом попросила:

– Умыться хоть дайте!

– Сейчас-сейчас! – захлопотала Богдана Желановна. – Сейчас в мыленку пойдем, там напаримся...

Опять она о своей мыленке! Да хоть что это такое?

Оказалось – баня. Но не обычная.

В углу просторной комнаты пыхала жаром раскаленных камней изразцовая печь. От неё до стены тянулся полок, устланный сеном. Поверх, чтобы не колосось, лежали простыни.

В ушате плавали веники, из открытого туюска доносился хлебный аромат, а разложенные повсюду пучки свежей травы пахли просто одуряюще.

Княжеская кормилица осталась за дверью. В предбаннике меня встретили девушки в длинных рубахах и принялись

раздевать.

– Я сама!

Но никто не слушал. Халат, блузка, юбка снимались с бо-ем. Я ругалась, топала ногами, махала руками, но они оказа-лись сильнее. Отпустили, только когда осталась совсем го-лая. И пригласили в парную.

Баню я никогда не любила. Жарко, влажно, душно... и га-рью воняет. Но не здесь.

Лежать на сене оказалось мягко и удобно, веники в руках девушек работали, как опахала, нагоня горячий воздух, а не выступали в роли розог, как обычно. Так что когда меня запихнули в бадью с водой и принялись намыливать голову, я не протестовала. Хотелось лечь, закрыть глаза и заснуть.

Только проснуться уже дома, в собственной кровати. Или, на крайний случай, в общежитии.

Увы, мечты остались мечтами. Я находилась на Кромке, в неведомом княжестве, и что будет дальше, зависело только от правителя. Чертовски красивого, но...

Проклятье, я не желаю становиться ничьей любовницей! Мне всего шестнадцать лет! Я еще жизни не видела!

Разозлившись, я выскочила из кадки, совсем забыв про девушек.

Они поняли мое движение по-своему.

Миг – и я обнаружила себя в соседней комнатке, в кресле, укутанной в простыни. На столе рядом стояли миски с яго-дами, сладкими пирожками, ватрушками, кувшины с квасом

и морсом.

– Может, сбитня желаешь? Так это мигом! – хлопотала рядом Богдана Желановна.

И вот эта суета наводила на размышления.

С чего бы кормилице самого князя так лебезить перед чужачкой? Перед любовницей она бы спину негнула, насколько помню, «молочные матушки» пользовались уважением и кучей привилегий; замуж меня не звали. Значит...

Значит, им что-то нужно. И чем раньше узнаю, тем лучше!

– Есть не хочу. А вот с князем вашим поговорить – очень!

Что началось! Меня тут же обрядили в длинную рубаху, укутали во что-то, похожее на вышитый халат, и вернули в уже знакомую комнату.

На кровати лежал алый с золотом сарафан, на полу, на подушечке, ждали мягкие туфли.

– Не побрезгуйте нашими нарядами!

– А где моя одежда?

Все было новое, но свое – оно привычнее. Подумаешь шорты короткие, а топ – облегающий? Под медицинским халатом не видно!

– Да разве можно в той одежде-то пред светлы князевы очи являться! К тому же грязная она. Девки постирают, заштопают, где надо, принесут, в сундук положат, и пусть лежит все, как память.

Ох, как хотелось ответить! Но ясно же, что кормилица

всего лишь передавала мысли хозяина. А значит, и истерики устраивать нужно было ему.

Пришлось надевать то, что дали. Неожиданно оказалось, что ходить в сарафане нужно по-другому, плавно, а не размашисто, как я привыкла. Иначе просто не получалось! Это бесило. А расшитая жемчугом лента впивалась в лоб, давила на виски, но просьбы ослабить её оставались без внимания.

Волосы заплели в косу, а к ней привесили какое-то звенючее украшение. Прикольно!

Я покрутилась возле зеркала, но ничего не поняла: полированная металлическая пластина отражала только силуэт.

– А ты в воду, в воду поглядишь! – служанка указала на широкую миску.

Действительно, так лучше. Конечно, с таким «зеркалом» не накрасишься, да и нечем – моя косметика осталась дома, а местной я не доверяла, но выглядело неплохо, хотя и непривычно.

– Ну, теперь можно и подождать, когда светлый князь тебя позвать изволит, – Богдана Желановна выглядела довольной.

Меня же такое положение не устраивало. Он, может, неделю «изволять» будет! А я сейчас домой хочу! Да хоть в академию, только в свой мир! Ох, вот недаром поступать не хотела! Как чуяла! Еще и с моей «удачей».

А, была не была!

– Ваш князь сам заявил, что когда захочу поговорить, достаточно будет сказать, – я направилась к двери.

Девушки застыли, а кормилица просто не успела преградить путь. Зато крикнула так, что уши заложило:

– Не выпускать!

В соседней комнате, только что пустой, началось светопредставление. Женщины, мальчики и даже мужчины выстроились так, что обойти их было невозможно. Возвращаться? Как же!

– Или сейчас же зовете князя, или... я тоже умею орать!

– Да будет тебе, золотце! Ну зачем же так? – замахала руками Богдана Желановна. – Князю уже сказали, как освободится, так придет отрока. Надо только немного подождать.

– И сколько?

– А вот, отобедай покамест. А там отдохни... после мыленки-то самое то, – стала уговаривать меня, как ребенка, разве что не сюсюкала. Тьфу!

– Не хочу. И вообще, пока вашего князя не увижу – есть не стану! Так и знайте!

Положение спас запыхавшийся мальчишка. Он протиснулся сквозь толпу и объявил:

– Князь гостью отобедать приглашает.

Суэта тут же прекратилась. Заслон исчез, и меня повели по бесчисленным переходам и галереям. Честно, дорогу я не запомнила, и обстановку тоже. Единственное, что осталось в памяти – красочность. Расписные стены, резная мебель, в окнах – витражи из разноцветного стекла: красного, синего и белого. Простые ромбики – а вкуче с остальным выглядело

потрясающе.

Наконец, мы добрались до столовой. Или нет, скорее – трапезной. Здесь не было витражей, в окнах вообще не было стекол, и пахнувший травой и цветами ветер врывается в помещение и пытался поиграть с бахромой скатерти. Но ему удавалось лишь немного качнуть тяжелые кисти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.